

КАФЕ
«ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дария Бобровская

Кафе "Любовный роман"

<https://litres.ru/74267619>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать в кафе "Любовный роман"! Здесь вас будут ждать истории из жизни, любовные страдания и законы подлости.

Дарина Белкина со школы была в отношениях с Савелием Солнцевым, пока очередная ссора не привела их к настоящему расставанию. Сможет ли Дарина прийти в себя и довериться кому то еще? Или вобьет себе в голову, что нужно всеми способами вернуть бывшего и плыть дальше на этой дряхлой и пробитой лодке под названием "отношения"? А может странный и черствый на первый взгляд старший брат школьного друга поможет ей в этом деле?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	29
Глава 3	51
Глава 4	71
Глава 5	96
Глава 6	110
Глава 7	127
Глава 8	144
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Дария Бобровская

Кафе "Любовный роман"

Пролог

Весенняя гроза. Так и тянет на строчки известного поэта, переделанные умным человеком: *«Люблю грозу в начале мая, как долбанёт — и нет сарая, кишки на проводах висят, скелеты бегают в трусах»*. А что, не ожидали? Ну да, я тоже не из тех, кто вздыхает над закатами и ловит бабочек в лунном свете.

Каждая книжная героиня априори должна быть «девочкой-фиалкой». Нежной, воздушной, может быть, ранимой, или, наоборот, такая из себя «нетакуся», что аж искры летят. Среднестатистическую мы вряд ли увидим в слоубёрн-романах или эротике. Не будет простой девушки, положившей жизнь на алтарь «учёба-работа-дом». Не будет чего-то сложного и таинственного, по типу утерянного папаши-мафиози или запутанных драм между сводными братьями и сёстрами, где все друг на друга косятся, будто вот-вот начнётся битва за наследство. Да и, если честно, я не героиня любовного романа.

Я — хозяйка. Звучит солидно, да? Почти как «повелительница стихий», только вместо молний у меня эспрессо-

машина, вместо пророчеств — меню на день, а вместо свиты — пара официантов, которые то ли работают, то ли репетируют побег. Смешно? Ну, иногда сама хихикаю, когда вижу, как гордоставляю табличку «Закр»то» после того, как три часа подряд уговаривала кофемашину не устраивать восстание техники.

Нет-нет, я всего лишь хозяйка «Любовного романа». Это кафе недалеко от спального района, окна которого выходят на зелёную аллею памяти Великой Отечественной войны. На «летнике» часто сидят мамыши с колясками — такие спокойные, будто у них в запасе бесконечный запас терпения и термосов с чаем, а у барной стойки тусуется молодёжь. Я сказала «молодёжь»? Хотя стоп. Благодаря небезызвестным голосам депутатов кто-то недавно предложил продлить возраст этой самой молодёжи до 35–40 лет. Так что даже я, Вера Андреевна, вполне залетаю в эту дверь. Скорее выбиваю эту дверь с ноги, попутно проверяя, выдержит ли косяк мой жизненный опыт и пару лишних килограммов от собственных круассанов.

В общем, как я уже и говорила, я не героиня, а хозяйка обычного кафе. Кручусь тамсям, варю кофеёк, пеку сладости, предлагаю летнее меню (в котором «летний» — это когда вместо горячего шоколада подаём холодный, и все делают вид, что это инновация), ну и, конечно, выслушиваю, когда надо. Лучший друг трезвого барменапсихолога, так сказать. Хотя, если честно, иногда мне кажется, что он записы-

вает мои истории в блокнот, чтобы потом продать какому-нибудь сценаристу. Но я не обижаюсь. В кофеек могу и коньячка капнуть при желании — не спорю. Это у нас называется «спецпредложение для особо тяжёлых дней».

Кафе для меня — это не только бизнес и стабильный заработок, притом что у меня нет рилсмейкеров и бизнес-аккаунтов в социальных сетях, где бы я танцевала с венчиком в руке. «Роман» — это моя жизнь. Буквально. У меня нет животных, детей и, тем более, мужей. Есть парочка друзей-завсегдатаев кафе (один из них уверен, что мой капучино — единственное, что удерживает его от экзистенциального кризиса), приятелей-работников и старая матушка-вдова. Как раз последняя — любительница солёных кренделей и кофе без молока и сахара. Крепкая и строгая мадам энных лет, в шляпе и с ридикулем. Эдакая Шапокляк, только где крокодила с крысой и Чебурашкой потеряла — запаматовала. Подозреваю, что она их просто выгнала за плохое поведение.

Папы, как говорится, и свет простыл, как только матушка понесла. Благородный Андре, конечно же, жениться-то успел — да бы долги свои закинуть в крепкие руки новоиспечённой женушки, а вот дочурку воспитывать отказался. С крыльца на завалинку, с завалинки на мосток — и покатился дальше, оставляя за собой шлейф из невыплаченных кредитов и недосказанных извинений. Только матушка его и видела потом на могильном камне — и то потому, что сама этот камень выбирала, чтобы надпись была чёткой и без ошибок.

Моя социализация начинается и заканчивается на гостях кафе. К слову о гостях...

Дождь полил прямо как из ведра — будто кто-то наверху опрокинул гигантское ведро с водой, решив, что городу не хватает драмы. Как обычно, аллею затопило, и вся вода с тротуара стекает на проезжую узкую часть, где каждая вторая машина на большой скорости обрызгивала панорамные окна кафе «Любовный роман», словно участвовала в конкурсе «Кто лучше испортит вид из окна». Прохожие недовольно проносились под скучными чёрными зонтами, похожие на армию мрачных пингвинов, которым забыли выдать рыбу. Смотря на эту картину, захотелось тоскливо завывать и пить кофе с волшебной капелькой коньяка. Или просто с большой порцией коньяка. Но я сдержалась. Почти.

Официантка Алина Шефнер, поклонница крориндустрии и заядлый книгоман, со скоростью бешеной белки во время периода спаривания рванула к грязным окнам с шваброй наперевес. Девушка маленького роста, но с не таким уж маленьким стержнем — настоящая фея чистоты в границах кафе. И если стержень в ней воспитал генерал на пенсии (говорят, он учил её отдавать честь даже чайнику), то зависимость от запаха «Пемолукса» досталась от бабушки. Шефнеры всю жизнь были по соседству от нашей семьи. Нет, они не жили в том же доме или даже районе. Хуже. Они преследовали меня всю жизнь: глава семейства преподавал в местном педагогическом вузе (где я пожимала опилки гранита

науки и мечтала о дне, когда смогу забыть слово «педагогика»), мама работала на продуктовой базе (где всё та же я закупалась запасами для дома и кафе и каждый раз надеялась, что сегодня не встречу её у стеллажа с мукой), ну а бабуля — компаньонка моей матушки по весенним прогулкам вдоль аллеи. Теперь и Алина работала на меня. Её вечно лохматая пепельная коса хлестнула меня по щеке, когда та нахмуренно вертела головой, присматривая место для нового букета сухоцветов. В этот раз это был хлопок — будто кто-то решил, что кафе должно выглядеть так, будто его украшал дизайнер, вдохновлённый деревенским амбаром.

— Решительно не понимаю! — выкрикнула Алина так, что, если бы от крика могли разбиться все бокалы, то это бы и произошло прямо сейчас. Спасибо, что не оглохла.

Потерев ухо, я болезненно сморщилась, будто только что услышала не просто крик, а всю историю мира в одной ноте.

— Алина, я бы попросила... — Начать формулировать мысль мне, конечно, никто не дал. Кажется, моё мнение в этот момент было примерно так же важно, как прогноз погоды на Марсе.

Сверкнув одичалым взглядом, Алина ещё раз крутанула косой по той же болезненной щеке — видимо, решила, что одного раза мало для полного драматизма.

— Где её носит?! Уже тридцать минут шестого, до закрытия полчаса!

Стенания официантки были, как никогда, мне понятны.

Сегодня в пять часов вечера должна была прийти практикантка с кафедры «Гостиничного дела». Бедных студентов раскидывали куда только можно для получения практического опыта — видимо, считали, что лучший способ научиться работать в сфере обслуживания — это посмотреть, как опытные люди пытаются не сойти с ума. И ведь частая гостья, которая оказалась преподавательницей с кафедры, божилась, что девушка чудесная, быстро обучаемая и пунктуальная. С последним я уже готова была поспорить — и даже мысленно составляла список аргументов, начиная с «она опаздывает» и заканчивая «возможно, она заблудилась между мечтой и реальностью».

Бедную студентку с «гостиничного» звали Белкина Дарина. Ученицей она была прекрасной — если не считать того, что её настроение могло за пять минут сменить три стадии: от «я всё могу» до «мир несправедлив» и обратно к «я всё могу, но не хочу». К тому же погода добивала: казалось, небо решило устроить генеральную репетицию апокалипсиса, а мы тут со своими человеческими драмами выглядели как массовка в фильме, где главный герой — ливень.

Девушку мне удалось ухватить перед самым закрытием, когда Алина бегала уже не просто белкой, а белкой, которой кто-то шепнул, что в хозяйственном помещении спрятан золотой орех. Она металась от барной стойки до кладовки, собирая свои пожитки с такой скоростью, что воздух вокруг неё начинал вибрировать, а на полу оставались едва замет-

ные следы в виде вихрей из пыли и крошек от круассанов.

Дарина на вопрос о происхождении её печального настроения громко всхлипнула носом — так, что даже кофемашина на секунду перестала гудеть, будто тоже прониклась трагедией. Трясущейся рукой она поправила волосы, туго затянутые в косу: казалось, если потянуть чуть сильнее, девушка взлетит, как воздушный шарик на перетянутой резинке.

Исходя из всего, оказалось, девчонка накануне рассталась с парнем — таким же студентом, что и она, только иногородним. Дарина и Сава встречались ещё со школьной скамьи, когда девушка переехала со своей семьёй жить в деревню. Сельская местность, романтическая натура, узкий круг для общения — и первая влюблённость в одноклассника, который носил кеды с дырками, но смотрел так, будто в этих дырках пряталась вся вселенная. Их пару можно было назвать весёлой и симпатичной в том смысле, что любая бабуля, заведя их на лавочке, обязательно бы сказала: «Какая милая пара! Хоть сейчас на открытку к 8 Марта». Для Дарины рыженький одноклассник был не только первой любовью, но и первым партнёром во всём — в смысле, жизнь у неё начиналась с фразы «Сава, помоги донести рюкзак», а заканчивалась фразой «Сава, ну почему ты опять не позвонил?».

Но, как и в любой паре, любви нет там, где всё тихо и умиротворённо. Дарину раздражала безынициативность парня: он мог часами сидеть и смотреть в одну точку, будто пытался разгадать тайну бытия, а она в это время пыталась разгадать

тайну того, как заставить его хотя бы сходить с ней в кино. А Савелия, в свою очередь, бесила её «приставучесть»: ему казалось, что если он не отвечает на сообщение три минуты, то мир уже рухнул, а Дарина готовит план эвакуации. В глазах девушки парень просто не хотел расти, кудато двигаться, хотя и поступил в краевой столичный университет. Ну а Дарина осталась в городе, откуда до родителей — пятнадцать минут езды, если не стоять в пробке из трёх тракторов и одной коровы.

Поездки парня стали редкими, разговоры — резкими, и это можно понять: молодой парень вырвался во взрослую жизнь, где нет папам и домашней девочки, требующей от него внимания. Можно понять мне, но не Дарине. Она воспринимала каждую его задержку как личное предательство, а каждый пропущенный звонок — как начало конца.

Белкина окончательно пошла на отчаянный шаг и в очередной раз, когда Савелий пообещал приехать к её родителям, собрала все свои силы и написала ему о предложении расстаться. К слову, расставалась эта парочка множество раз, но инициатором всегда была девушка. И в этот раз, ожидая, что парень будет её убеждать в безмерной любви и давать обещания, которые всё равно не выполнит, она была ошарашена согласием. Просто: «Ок. Давай не будем усложнять». И всё. Точка. Как будто он стёр её из списка дел на день между «купить молоко» и «сдать курсовую».

— Вы можете представить... — прерываясь на всхлипы от

слёз, льющихся куда только можно (и даже туда, куда, казалось, уже не должно помещаться), прошептала девушка. — Он меня бросил... После всего... После стольких лет...

Картина маслом: разбитое сердце, сдохли бабочки в животе, и мир рухнул в голове молоденькой девчушки. Да какие её годы — любовь совсем не вечна, по крайней мере, пока кто-то из двоих не умрёт. Ведь таким, как мы, нужно любить больше, чем быть любимыми. А когда человек исчезает, мы не представляем, что нам делать. Мир буквально рушится на глазах — особенно если до этого ты строила планы на совместную старость, где вы вдвоём пьёте чай из одной кружки и ругаетесь изза того, кто забыл купить сахар.

Алина громко стукнула папкой санпина по столешнице — звук получился такой, будто она не просто закрыла папку, а поставила жирную точку в истории мировой драмы. И пропела с трагическим надрывом:

— А любовь как сон стороной прошла...

Я удивлённо воскликнула: — Шефнер, неужели ваше поколение ещё помнит классику?

— Вера Андреевна, наше поколение выросло на «Сва-тах», «Рюмке водки на столе» и «Нервах». То, что я глубоко в любви к кейпоп и дорамам, не меняет мою суть. Внутри я — русская душа, которая хочет страдать красиво.

Девушка хмуро оглянула нас, будто мы были зрителями в театре, где ей пришлось сыграть главную роль без репетиции, и снова всхлипнула. Да, пора заканчивать эту драму.

Даже кофемашина, казалось, смотрела на нас с укором: мол, хватит разводить сырость, у меня электроника портится.

— Дарина, закрываемся. Завтра будет день, будет пища, будет и новый парень, который хотя бы ответит на сообщение. Или хотя бы поставит лайк. Но это уже детали.

Посмотрим, что будет дальше. А пока — выключаем свет, запираем дверь и даём миру шанс немного успокоиться. Хотя бы до утра.

Глава 1

*Но стала спать бояться, снятся эти сны
песня из сериала "Сваты"*

И я сказала: «Oh, yeah»

*Я так любила сны, в которых мы кружились
Три месяца весны, они так часто снились
Пусть нашей нет вины, что нам пришлось расстаться*

Я не могла понять, почему всё так произошло, в чём моя ошибка. Я была хорошей девушкой, любила и всегда ждала. Чем я заслужила такое отношение? Тем, что строила планы, мечтала о крепкой семье, о детях. А в итоге осталась у сломанного корыта — да ещё и с пятном от кетчупа на футболке, будто жизнь специально добавила штрих для полноты картины.

«Тебе нужно занять голову, Дарина. Найди работу на лето, загрузи всё свободное время», — говорила подруга. Неплохая идея, если не считать, что «загрузить голову» в моём случае означало протирать одни и те же столы по три раза, чтобы не думать о том, что где-то там Сава, возможно, уже лайкает чьи-то фотки и ставит смайлик «огонёк».

И вот я уже на пороге «Любовного романа», прохожу стажировку и ловлю сочувственные взгляды от хозяйки и офи-

циантки. У Веры Андреевны взгляд был такой, будто она видела все мои будущие промахи заранее — как будто у неё в голове крутился трейлер моей стажировки с заголовком «10 способов опозориться за одну смену». А Алина смотрела с таким видом, будто хотела шепнуть: «Держись, сестрёнка, тут все сначала проливают сироп мимо чашки».

Возможно, они все правы, нужно отвлечься. В наушниках Корж орал что-то про то, что «всё будет хорошо», хотя интонация у него была такая, будто он сам в это не очень верил. В руках тряпка, перед глазами грязные столы от прошлых посетителей — будто кто-то устроил тут чемпионат по размазыванию варенья, и я теперь должна ликвидировать последствия. Ну что, девочка, за работу! Пусть хоть столы будут в порядке, если в личной жизни — полный хаос.

Время медленно приближалось к закрытию, когда над входной дверью зазвенел колокольчик, оповещающая о новом посетителе. Этот звон прозвучал как сигнал тревоги: «Внимание, в зону поражения входит потенциальный источник стресса!» Вдохвыдох. Я натянула улыбку, которая, наверное, больше напоминала гримасу человека, который только что наступил на Lego.

— Добрый вечер! Рады видеть вас в кафе «Любовный роман», что вам предложить?

— Роман? Было бы неплохо.

Голос был низкий, такой, как у мужчин старше и знающих, что хотят от жизни. Взгляд быстро пробежался по

гостю. Светлые джинсы, тёмная олимпийка, накинута поверх майкибоксёрки, белые кроссовки. В таких кроссовках в такую погоду явно не походишь — значит, он на машине. Крепкого телосложения, светлая кожа, лицо лучащееся, будто выиграл миллион. Мужчина также был обладателем светлых голубых глаз.

«Как у Савы...» — ёкнуло сердце, предательски подпрыгнув где-то в районе горла.

«Пофиг», — шикнул разум, но прозвучало это как-то неуверенно, будто он сам сомневался.

— Простите? — переспросила я, чувствуя, как мозг судорожно пытается переключиться с драмы личной на драму рабочую.

— Не прощу, — усмехнулся мужчина и, предвидя мои вопросы, добавил: — Раф. Ореховый. С собой.

— Хорошо, займите свободное место. Заказ будет готов в течение десяти минут.

«Соберись, Ди!» — тихо шикнула на себя я и принялась за заказ. Руки дрожали так, будто я не эспрессомашину запускала, а пыталась собрать ядерный реактор по инструкции на китайском.

Мужчина занял место прямо напротив меня за кофейной стойкой, его глаза наблюдали за мной. «Да он издевается! Я что, на экзамене? Может, ещё и билеты вытянуть?»

Нервы были на пределе, и если бы не шустрая девчонка Алина, я боялась, что дойду до ручки — в прямом смысле,

потому что уже тянулась к швабре, как к талисману. Официантка ловко вытерла стойку и повернулась ко мне. Её зелёные глаза заговорщически сверкнули.

— Дарина, приготовишь мне потом банановый, а то с утра во рту ни крошки? — шепнула она так, будто делилась секретным планом по захвату мира, а не просьбой о кофе.

Верно, если бы Вера Андреевна заметила такой выверт вне обеденного перерыва, точно по головке не погладила бы. Скорее шваброй по хребтине. Больно уж хозяйка ведьму напоминала — но добрую, если не злить.

— Конечно, — ответила я и поставила на стойку чашку с ореховым рафом, рядом положила пакетики сахара и корицы. — Ваш заказ.

Мужчина усмехнулся, глядя мне в глаза, и выпил залпом кофе — будто это был не раф, а средство от всех жизненных невзгод. Но почемуто мне это не сулило ничего хорошего. Предчувствие? Третий глаз? Скорее тревожность, которая у меня теперь жила в правом виске и периодически постукивала: «Ну что, опять ошиблась?»

Так и оказалось. Как только посетитель открыл рот, я поняла: мне конец.

— Мне понравился раф, девушка, — уголок губ дёрнулся в попытке улыбнуться, и я заметила едва заметный бледный шрам под нижней губой мужчины. — Но я просил с собой.

Паника. Гул в ушах. Сейчас должны быть титры, а потом белым на чёрном написано: «Этот фильм посвящается глу-

пой, невнимательной и криворукой Белкиной Дарине. Особая благодарность кофемашине за терпение».

Алина заметила, как я стала часто дышать, и расширила в ужасе глаза — а потом, чтоб его, усмехнулась. Конечно, танцуй на моих похоронах, подруга!

— Я... Мне... Простите... — попытался оправдаться разум, заглушаясь ударами нервного сердца, которое колотилось так, будто хотело выпрыгнуть и сдаться самому.

Мужчина постучал длинными пальцами по дереву и тяжело вздохнул. Будто каждый день приходит к молоденьким стажёрам и испытывает их терпение. Ощущение экзамена начало накатывать по новой. Что там нужно делать? Считать? Посчитаем. Одна печально покинувшая этот мир нервная клетка в теле бедной студентки, две — ещё одна, которая сдалась без боя, три — та, что пыталась спрятаться в пятке...

— Просто сделайте мне новый раф, девушка, — голос мужчины будто бы пробился сквозь толщу воды и медленно перетёк в мои уши. Адреналин в крови заскакал в бешеном танце, будто услышал команду «веселье начинается». — В этот раз с собой, за первый я тоже заплачу.

Сейчас я обратила внимание, что мужчина был усталым — либо после работы, либо после зала. Даже глаза где-то глубоко за усмешкой сияли печалью. «Неужели и ты, Брут, несчастно влюблён?» — мелькнула дурацкая мысль. Неважно. Я этого мужчину вижу в первый и последний раз. Возможно.

Выполнив заказ и закрыв крышку картонного стаканчика, я поставила его перед ним со слегка трясущейся рукой. Мужчина кивнул и вышел из кафе. Ни «здрости», ни «до свидания», как говорится. Просто растворился в вечерней сырости, оставив после себя только запах дождя и ощущение, что я только что сдала экзамен на «удовлетворительно» и мне ещё повезло.

Алина подошла и хлопнула меня по плечу так бодро, будто мы только что выиграли чемпионат по выживанию в стрессовых ситуациях.

— Ну вот, первый клиент, первая ошибка, первый урок. Теперь ты официально в игре, Ди!

Я только вздохнула и посмотрела на часы: до закрытия оставалось десять минут, а мне казалось, что прошла целая жизнь. И, честно говоря, даже эта маленькая жизнь была чересчур насыщенной.

Мне нужно забыть-быть-быть

Не пугайся, не пугайся, детка

Заходи в мою большую клетку

Хочешь мне помочь?

Только на одну ночь

Ты притворись моей

С той роковой смены прошло уже пара суток. Не скажу, что тревожность куда-то магически пропала — нет, она не испарилась, как утренний туман. Она просто притаилась, свернулась где-то под рёбрами, будто хитрая кошка, которая

знает: рано или поздно ты снова забудешь поесть или опоздаешь, и вот тогда она выпустит когти. Но в этом даже есть свои плюсы. Например, я перестала каждую минуту проверять телефон в надежде увидеть сообщение от Савелия. Вместо этого по утрам делаю гимнастику так яростно, будто пытаюсь вытрясти из себя все глупые мысли, и уже близка к тому, чтобы записаться на групповые танцы или растяжку — а вдруг заодно и душу растяну?

Хожу на практику в кафе, наблюдаю за людьми, которых никогда в жизни не знала, делаю свою работу. И пусть у меня всё ещё дрожат руки, когда надо быстро посчитать сдачу, а вместо «капучино» иногда вылетает «какаду» — я справляюсь. Медленно, криво, но справляюсь.

Савелий так и не звонил. Подруга держала меня в курсе его дел, будто вела хронику чужой, но почемуто до сих пор важной для меня жизни. Вчера Надя разговаривала с Димой — мы вчетвером были выпускниками одного класса, дружили парами, делили чипсы и секреты. Дима всегда тесно общался с Савой и знал, что тот делает в любую минуту. Вот и вчера Надя поделилась: Сава с Димой приезжали к родителям бывшего и помогали с ремонтом летней беседки. Потом, как обычно, ходили играть в футбол с друзьями и пили пиво на берегу реки до поздней ночи.

Да, именно так Савелий и проводил своё время, когда вместо этого мог хотя бы раз приехать ко мне или позвать провести выходные вместе. Ему было намного важнее про-

вести время с друзьями и бутылкой пива, чем уделить пару часов девушке, которую, казалось, любил. Мои чувства по этому поводу были холодны и отзывались внутренней злостью — острой, колючей, как осколок стекла, который никак не вытащить. Я злилась на бывшего, но не страдала. И это казалось маленьким, но таким важным прогрессом. Поэтому, когда Надя позвонила и предложила сходить в кино, я с радостью согласилась. Сегодня был выходной, и я была свободна — по крайней мере, от мыслей о Савелие.

Надев своё любимое муслиновое белое платье чуть ниже колен, я схватила сумочку и выбежала из дома, будто спасалась от чего-то, что вотвот должно было меня догнать. Подруга напомнила в мессенджере, что ждёт у вагончика с мороженым.

Надя стояла с рожком в руках и смеялась над какой-то историей Димы.

— Всем привет! — задорно поздоровалась я, и на секунду мне показалось, что всё будет хорошо. Что этот день станет тем самым, когда жизнь наконец повернётся лицом, а не спиной. Но моё возвышенное настроение медленно стало падать, как воздушный шарик, из которого выходит воздух, стоило мне заметить на фоне рыжего парня в ярких красных кроссовочках. Он вышагивал рядом с какой-то блондинкой вдоль тротуара — достаточно далеко, чтобы я успела разглядеть эту картину, но слишком близко, чтобы сделать вид, что не заметила.

«Что он вообще тут забыл?» — закололо сердце, и адреналин рванул по венам, как электрический ток. В груди всё сжалось, а потом резко отпустило — будто кто-то дёрнул рычаг, и я вдруг поняла: мне не больно. Мне просто обидно. И эта обида была уже не про любовь, а про потраченное время.

Настроение спасло эскимо, внезапно возникшее прямо под моим носом. Дима виновато улыбнулся, смешно приподняв торчащие уши, будто хотел стать незаметнее. Надя хотела что-то сказать, но её прервал знакомый голос:

— Дим, я взял две «белочки», эскимо закончилось.

В голове пронёсся счёт: «Одна печально покинувшая этот мир нервная клетка, две... три...» — и я уже мысленно составляла завешание на свой недопитый кофе.

Тот самый мужчина, который чуть не довёл меня до нервного обморока в кафе, стоял ровно напротив и протягивал моему однокласснику мороженое. Его голубые глаза на секунду встретились с моими, и в них мелькнуло что-то вроде усмешки — будто он знал, что этот день специально подстроил так, чтобы я снова потеряла дар речи.

«Да вы издеваетесь!» — пронеслось в голове, и хотелось то ли рассмеяться, то ли заплакать от абсурдности ситуации.

Мужчина поднял свой голубоглазый взор и даже ни капельки растерянности не показал, лишь скривился в излюбленной усмешке, протянув:

— И снова ты, девушка-роман.

Дима недоумённо поднял брови, а Надя, зная дословную

историю того кафежурреализма, тихонько рассмеялась, прикрыв рот ладонью. На правах старшего (на пару дней) Димка взялся знакомить нас:

— Володя — Дарина, Дарина — Володя.

Мы синхронно смерили друг друга перекрёстными взглядами, будто готовились к дуэли, и ждали пояснений.

— Володя — мой брат... — замялся Димка. — Старший.

Владимир хлопнул парня по плечу, мол: «Не волнуйся, мелкий».

— А Дарина — наша одноклассница и близкая подруга моей Нади. Белкина младше меня на пару деньков, так что не ругай её за несообразительность, маленькие они такие.

Мой черёд пришёл воинственно шикнуть на Димку. Одно из главных качеств этого парня — в любой компании со мной всегда оповещать всех, что я младше. При том что его собственная возлюбленная Надя была намного значительнее младше нас двоих. Но это не мешало ему всегда принимать роль старшего брата, которого у меня никогда не было.

Как вообще могло такое произойти, что за столько лет дружбы с этим Черешко я никогда не видела его старшего брата? Знала, конечно, но чтоб видеть... Очень странно. Будто часть пазла, которую я не замечала, вдруг выскочила и встала на своё место — и теперь всё выглядело иначе.

«Так, собрались, Ди! Вдохвыдох», — мысленно приказала я себе, пытаюсь унять дрожь в пальцах.

Мы одновременно протянули друг другу руки для пожа-

тия и тихонько рассмеялись. И в этот короткий миг мне показалось, что он не такой уж и чёрствый сухарь. Что за этой усмешкой прячется что-то ещё — может, усталость, может, одиночество, а может, просто привычка держать дистанцию.

Парочка друзей предложила прогуляться в парке перед сеансом. Окинув последним взглядом уже пустующий тротуар, где недавно мелькала рыжая макушка, я пристроилась с противоположной стороны от Владимира и пошла в ногу с друзьями. Надя рассказывала о первой части фильма, который мы будем смотреть, потому что никто не был знаком с этой серией. Это вам не «Сумерки» или «Мстители». Какая-то романтическая комедия американского производства, кажется, даже по каким-то книгам, но я не вдавалась в подробности. В голове крутилось совсем другое.

Взяв билеты в кассе, ребята изъявили желание купить попкорн и содовую, а мы с Владимиром присели на красный диванчик в зоне ожидания. Неловкость, казалось, пропитала весь воздух, делая его густым и тяжёлым, как сироп.

Мужчина, до этой секунды сидевший в телефоне, неожиданно подал голос:

— Значит, ты работаешь в кафе у аллеи?

Станный вопрос. Он же видел меня там и явно не как посетительницу — я ему кофе готовила. Но можно списать на неловкость и незнание, как начать разговор.

— Прохожу практику, да, — коротко ответила я, стараясь не смотреть на него слишком пристально, будто боялась, что

он прочитает все мои мысли.

Черешкостарший снова уткнулся в телефон, не подавая признаков жизни. Зачем тогда завёл этот нелепый разговор? Теперь неловкости стало ещё больше, и она висела между нами, как невидимая стена.

Через пару секунд Владимир зашевелился и протянул мне телефон. Пальцы будто онемели, и я на секунду задумалась: стоит ли уже пропить курс валерианы? Что за странные реакции моего тела на этого незнакомого мужчину?

Владимир прочистил горло и едва слышно сказал:

— Я хожу в этот зал, он прямо в соседнем здании. — А на мой вопросительный взгляд сразу ответил: — Это на случай, если ты вдруг подумаешь, что я преследую малолетнюю подружку брата.

«Малолетнюю подружку?! Он великий старец, что ли?» — внутри всё вскипело, и терпение лопнуло, как натянутая струна.

— С чего ты решил, что я так подумаю? — вопрос сам возмущённо слетел с моих губ, и я даже не пыталась его удержать.

— А ты сама сейчас своей реакцией подтвердила мои опасения. Тебе наверняка не понравилось, как я тебя назвал. — Его губы продолжали выплёвывать слова, но моё мерило терпения неусыпно накалялось. — Так и поступают *малолетние*.

— Стоп! Что?! — кажется, сейчас я буду рвать и, возмож-

но, метать. Да как так можно вообще? Он что — пуп земли?!

Оказалось, не пуп земли, но близко. Просто надменный и самоуверенный старший братец Черешко. С таким же дрянным характером, что и его младший братец. Ну нет. Двоих Черешко я точно не выведу ни сегодня, ни когдалибо.

Помешали мне уйти парочка друзей: они шумно подхватили под руки и потащили в кинозал, где как раз уже практически все рекламы прошли. И уселись два воробушка рядышком, а мне осталось сесть по одну сторону с Надей, а с другой — делить подстаканник с Владимиром.

Раздражённая девушка в кинотеатре рядом с самоуверенным мужчиной, который её бесит, может повести себя поразному. Я выбрала сразу три варианта: хмурила брови на каждой сцене с поцелуями, старалась сидеть как можно дальше, отодвигаясь на край сиденья, и закатывала глаза, когда «сосед» шевелился в своём кресле или тянул руку к общему ведерку попкорна.

Сеанс дался мне крайне тяжело. Мысли о Савелии неожиданно снова и снова с силой удара об наковальню проникали в голову. Совсем некстати спереди сидела светловолосая девушка с рыжеволосым парнем в обнимку. Скрип моих зубов, казалось, был слышен на весь кинозал. Даже Димка перегнулся через Надю, чтобы вопросительно выпучить на меня глаза. Проигнорировав его, я скосила взгляд на «соседушку». Владимир хмуро смотрел в экран лицом с субтитрами. Так и слышала, как он размышляет: «Сюжет простейший, а

герои не доигрывают». Ещё пару минут мужчина мучительно для самого себя старался вникнуть в сюжет, а потом, плюнув на это неблагоприятное дело, залип в телефоне.

Фильм был с открытым концом, подразумевая следующую часть, а попкорн оказался пересолён. Всё под стать моему настроению, а ведь планы на прогулку с друзьями были такими радужными. Вот и погода решила погрузить: небо затянулось серыми тучами, будто отражало моё внутреннее состояние.

Надя тяжело вздохнула:

— Кажется, дождь начинается...

— Не дрейфь, Пятачок! — рассмеялся Димка. — У нас с братом есть пара зонтиков.

Димка не солгал и вытащил из спортивного рюкзака сложенные атрибуты для такой грустной погоды. Даже небо решило истерично рассмеяться громом — хорошо хоть без молнии. Взгрустнувшую Наденьку тут же накрыл сверху непроницаемый купол яркожёлтого цвета.

— Володь, мы пойдём спереди, ну а вы за нами. Догоняйте!

Мужчина тяжело вздохнул, будто сие действие ему настолько претит, что даже дышать стало тяжелее, раскрыл над нашими головами красный зонт, и мы выдвинулись за счастливой парочкой. Капли дождя падали на асфальт, разбиваясь на тысячи крошечных осколков, и мне вдруг показалось, что каждый из них — это маленькая история, которая начи-

нается и заканчивается в одну секунду. И моя история с Савелием тоже была такой — яркой, но короткой. А что будет дальше — пока не знаю. Но, может быть, впереди ждёт что-то новое. Что-то, что не придётся собирать по кусочкам.

Глава 2

— Вот те на... — протянула Алина, и её рука с тряпкой замерла на полпути к кофемашине. Глаза у неё были такие, будто она одновременно хотела и рассмеяться, и схватить сковороду, и уйти в отпуск на год. — То есть он просто так взял и уехал? В свою чёрную тачку, и всё? Ни «проводи», ни «позвони», ни даже «спасибо за компанию»?

— Ну да, — сдавленно хихикнула я, сама не понимая, то ли мне смешно, то ли обидно до слёз. — Попрощался со всеми в парке и прыгнул в машину. Ребята мне одолжили тот самый зонтик, и я пошлёпала дальше в одиночестве, как грустный утёнок в луже.

Алина шумно втянула воздух, будто собиралась выдать длинную тираду на родном, очень выразительном языке, но вовремя прикусила язык — видимо, вспомнила, что мы всё-таки в кафе, а не на стройке. Вместо этого она с такой силой перевернула табличку «open-close», что та чуть не треснула.

— Вот же... — выдохнула она, не договаривая, но смысл и так был кристально ясен. — Ну ничего, Дарин, зато теперь ты знаешь, кто из них реально умеет быть человеком.

Мы с ней синхронно вздохнули, и этот вздох получился почти как дуэт: один — усталый, второй — возмущённый.

Я занялась своими прямыми обязанностями: проверила холодильник, пересчитала сроки годности так тщательно,

будто от этого зависела судьба вселенной, и расставила кофейные пары на стойке, чтобы они стояли идеально ровно, как солдаты на параде. Каждая чашка должна была быть готова к бою — к потоку мамочек с детьми, студентов с конспектами и всех тех, кто приходит в кафе, чтобы на пять минут забыть про свои проблемы.

Вера Андреевна появилась минут через пятнадцать после официального открытия. Её «Девочки мои!» прозвучало так, будто она принесла с собой кусочек тёплого солнца и аккуратно положила его прямо на стойку.

— Доброе утро, Верочка Андреевна! — в унисон откликнулись мы, и в этот момент действительно казалось, что день уже не может быть плохим.

— А я так спешила к вам, так спешила! — рассмеялась хозяйка, взмахнув руками, будто пыталась взлететь. — Что забыла телефон свой ненаглядный дома, пришлось возвращаться.

Она оглядела помещение, и её взгляд скользнул по каждой детали — по блестящей стойке, по аккуратно расставленным чашкам, по нашим немного сонным, но старательным лицам. И улыбнулась — той самой улыбкой, которая могла растопить даже айсберг.

— Вижу, вы со всем справились. Умницы.

И вот это «умницы» прозвучало как медаль, которую можно повесить на грудь и носить с гордостью.

Половина смены пролетела незаметно. Мы обслужили це-

люю армию молодых мамочек с детишками на летнике — кто-то заказывал какао, кто-то просил подогреть молоко «совсем чуть-чуть», кто-то искал салфетку, потому что ребёнок размазал пюре по всему столу. Потом подтянулись студенты, которые пытались выучить конспекты к зачётам, но отвлекались на каждый чих и на каждый новый аромат из кухни.

Когда мы наконец прикрыли дверь и повесили табличку «перерыв», я почувствовала, как с плеч будто свалился небольшой бетонный блок. Я допивала свой душистый чёрный чай с мелиссой, когда Алина неожиданно заговорила — и не о чём-нибудь, а о моей истории. Да ещё и при Вере Андреевне.

Под взглядом хозяйки она рассказала абсолютно всё: и про кино, и про зонтик, и даже про то, что я видела в парке своего бывшего. Слова лились из неё, как вода из прорванного крана — быстро, шумно и без остановки.

Вера Андреевна слушала, чуть наклонив голову, и когда Алина наконец выдохлась, женщина немного помолчала, будто собирала мысли в аккуратную стопку, как стопку чистых тарелок.

— Дариночка, а скажи мне вот что, — тихо начала она, и голос её был таким спокойным, что даже шум улицы за окном будто притих. — Насколько твоя жизнь в данный момент стала хуже?

Хуже? Хм...

Я призадумалась, выискивая в памяти что-то, что могло

кардинально измениться, кроме душевных терзаний. В физическом и бытовом плане всё было по-старому: холодильник полон, кровать мягкая, кофе горячий. Но из-за тревог пропала какая-то лёгкость — та самая, когда идёшь по улице и улыбаешься просто так, без причины.

— Любовь... — неуверенно начала я, но Вера Андреевна тут же мягко меня перебила:

— Девочка моя, любовь никуда не пропадала.

Мне показалось, что в её глазах на секунду мелькнула грусть — такая тихая, что её легко было не заметить. И я вдруг задумалась не только о своём одиночестве, но и о её. Ведь это очень странно: такая замечательная женщина, с этим внутренним светом, и при этом одна.

— Ты ведь всё так же любишь петь песни или читать книги, гулять с друзьями и смотреть сериалы. Ты всё так же улыбаешься, когда видишь что-то милое сердцу. Ты всё так же любишь жизнь. Ну, а любовь... Она вокруг тебя и в самой тебе. Не нужно заикливаться на одной потухшей свече. Достань новую и подожги. Новая так же согреет тебя своим теплом и осветит, возможно, даже лучше старой.

Эти слова упали в душу, как тёплый плед в холодный вечер. Вера Андреевна незримо поставила точку в моих переживаниях, улыбнулась и упорхнула в хозяйственное помещение, где её уже ждали новая книжка и мягкий тёплый плед. После обеда она, по своему обыкновению, пропадала на пару часов в мире фантазий, оставляя нас одних — будто

доверяла нам этот маленький кусочек реальности.

А я всё думала: в чём для меня любовь? Как она должна проявляться? Я точно не была «потребителем» в нашей паре с Савелием, но безумно хотела, чтобы он как-то иначе выражал свои чувства — не сухими «люблю, куплю и полетели», а чем-то настоящим. Мне нравилось с ним делиться чем-то интересным, вкусно кормить, делать маленькие сюрпризы. Мне было хорошо с ним, но оказалось, что и без него не хуже.

А ведь и правда, как-то папа сказал: «Я боюсь, что без меня она поймёт, что ей и так хорошо. Может, даже лучше». Тогда в нашей семье был тяжёлый период: родители часто ссорились, грозили друг другу разводом, и в один тихий вечер, когда мама уехала к подруге, папа произнёс эти слова. В ту минуту он будто разом осунулся и постарел лет на десять, а его глаза потеряли тот самый огонёк веселья.

Прошло пять лет с того вечера, и сейчас мои родители — самые счастливые, отдыхают где-то на Байкале, а каждый субботний вечер звонят мне по видеосвязи и интересуются, как складывается моя жизнь. Я благодарна, что они не пытаются своим «талмудом опыта» задавить меня, а просто радуются, что у меня всё в порядке.

Закончив смену, я закинула на плечо пушистый белый рюкзачок и попрощалась со всеми. Завтра можно было не появляться в кафе — Верочка Андреевна строго-настрого велела мне отдохнуть душой и телом. Даже дала с собой па-

рочку эклеров, оставшихся после клиентов, — как будто знала, что мне нужно немного сладкого, чтобы день стал чуточку светлее.

Размышляя о том, как приду домой, заварю себе крепкого чая без сахара и съем эти клубничные эклеры, я улыбалась собственному отражению в луже. Капля упала сверху, и улыбка рассыпалась рябью.

«Мы живём жизнь настолько, насколько хватает смелости». Не помню, где я это прочитала или услышала, но всем телом чувствовала, что это правда сегодняшней меня. Осталось только набраться побольше смелости. Зачем пытаться кем-то душу зашить, если я способна на это сама?

Надев беспроводные наушники, я шла домой и безмолвно подпевала песням, чувствуя, как город вокруг становится чуть менее чужим. Краем глаза заметила движение сбоку и замерла, не веря своим глазам: из-за поворота выбежал знакомый силуэт в тёмной ветровке и спортивках, капюшон натянут, лицо наполовину скрыто. Сердце учащённо забилося: «Владимир Черешко!»

Вот это встреча, так встреча. А я-то думала, такие, как он, занимаются только в зале, чтобы не портить одежду и обувь об уличную грязь. Удивил, ничего не скажешь.

Поздороваться даже не пришло в голову — вдруг ещё напугаю. Наверняка он бежит в наушниках под любимый плейлист, и тут я — как внезапный рекламный баннер посреди любимой песни. Ещё решит, что я его преследую. Какой бы

ни была Дарина Белкина, но точно не сталкершей. Во мне есть хоть какое-то самоуважение и стержень.

А мужчина всё-таки был весьма красив, несмотря на мешковатую одежду. Ветровка плотно облегла крепкий торс, и воображение тут же дорисовало пресс, рельеф и сильные руки — те самые, которые могут и турник покорить, и чашку кофе удержать, не пролив ни капли.

Стоп, что?! Не хватало ещё представлять себе ЕГО! Кошмар!

Владимир забежал за поворот, а я, прослушав ещё пару песен, уже была дома. Скинула рюкзачок в прихожей, представила, как сейчас заварю ароматный чай, но меня отвлек тихий колокольчик уведомления. Одним свайпом я открыла мессенджер и увидела заявку в друзья: «Владимир Черешко, 26 лет».

В ушах застучало сердце, как барабан в рок-группе, который решил сыграть соло. Что могло понадобиться от меня этому мужчине? Может, это какая-то шутка? Или он добавил всех подряд? Или... нет, не буду придумывать.

С тяжело давшимися вздохом я осела на стул и подумала: а что, собственно, я теряю? Я — свободная девушка, не обременённая никакими обязательствами. И даже если это какая-то очередная ирония от старшего брата Димы, то и пусть.

«Набраться побольше смелости», — крутилась в голове недавняя мысль, и я нажала «принять».

Как романтическая особа, я ожидала, что он непременно должен что-то написать — хотя бы «привет» или «как дела». Но была тотальная тишина. Из колонки играла песня Асии «Адресат», и я, пританцовывая, приводила недавние мечты в жизнь: заварила чай, съела эклер, и он действительно растаял на языке, как маленькое чудо. На этот момент я уже выкинула из головы странную заявку в друзья и позвонила Наде, чтобы просто поболтать.

Из-за моей работы в кафе мы стали реже видеться, но по телефону всё так же делились событиями прошедшего дня — это помогало сбросить накопившуюся усталость и тревогу.

Надя весело рассказывала про день у родителей: как Иван Иваныч пытался завести мотор соседского мотоцикла, как педаль крутанулась вокруг своей оси и засадила ему по коленной чашечке так сильно, что у мужчины потемнело в глазах. Он, не ожидая такой подставы от железяки, кувыркнулся назад, а потом пришёл домой весь в траве и сене. Женской части семьи показалось, что Иван Иваныч «веселился на сеновале», и мать семейства даже грозно замахнулась кухонным полотенцем. Эта история вызывала у меня улыбку — в ней было столько жизни, столько нелепого, настоящего счастья.

— А ещё Димка только что забрал своего братца из какого-то бара, — загадочно протянула Надюша. — Пьяный в стельку, представляешь?

Владимир напился? Вот те на...

— А я думала, такие, как он, не сидят в барах.

— Ой, да там история такая мутная, — подруга, видимо, заметила мой заинтересованный взгляд и решила пояснить. — Володю давно бросила девушка, а он никак не может её забыть. Она уехала в другой город и очень редко появляется среди наших. То ли спортсменка какая, то ли танцовка...

Мне даже взгрустнулось. Значит, и его когда-то бросили. Может быть, он поэтому такой холодный ко всему — как Кай с замороженным сердцем. Вспомнилось, что я ещё в первую нашу встречу подумала что-то такое.

Пока Надя ещё о чём-то болтала, я уже гипнотизировала страничку Владимира: фотографии с пробежек, турники, туристические сходки, рафтинг — будто он специально собирал все самые «мужские» активности, чтобы никто не подумал, что ему бывает грустно.

Когда мы с Надей попрощались и пожелали друг другу сладких снов, в углу экрана мелькнуло уведомление о новом сообщении. Это было от него. Зажмурив глаза, я открыла его, а там... рилс, где пушистый котик смешно выпустил коготки и грозно махал лапками. Под ним сообщение: *«Жалкая пародия. Я видел оригинал».*

Да он смеётся надо мной! Была такая великая необходимость добавляться в друзья, чтобы скинуть рилс? Какой же он всё-таки... странный.

И как мне теперь ответить? Игнорировать? Сделать вид,

что не видела? Но котик меня умилил, и я отправила смайлик чертёнка с улыбкой.

Через пару секунд пришло: *«Пробежка выдалась жаркой»*.

Я уже почистила зубы и забралась под одеяло, и смущение накрыло меня с головой. Значит, он всё-таки меня заметил, когда пробежал мимо.

«Бег — это не моё, поэтому не разделяю твоего чувства», — написала я.

«А что же тогда твоё?»

«Я люблю хорошие книги — это моё».

Глаза слипались, и я так и уснула в обнимку с телефоном, чувствуя, что день был длинным, но не таким пустым, как могло бы показаться.

Утро задалось каким-то радостным, будто город решил подарить мне немного солнца. Под музыку я готовила яичницу с помидорами — она получилась просто объеденье, — и параллельно выбирала, в чём пойти в вуз. Остановилась на светлых джинсах и летней блузке с рукавами-фонариками: сегодня должно быть жарко, поэтому стоит одеться посветлее и не забыть про кепку.

Часы напоминали, что пора выходить, и телефон просигналил — уведомление от вчерашнего собеседника: *«Ты сегодня на работу?»*

Я улыбнулась, потому что в этом «ты сегодня на работу?» не было ни «здравствуй», ни «доброго утра» — он просто

шёл напролом, как танк через кусты. И, странное дело, мне это даже понравилось. Как будто он не хотел тратить слова на формальности, а сразу переходил к сути.

«В вуз. Уже выхожу», — ответила я, застёгивая рюкзак и чувствуя, как внутри просыпается что-то новое — не тревога, не обида, а лёгкое, почти щекочущее предвкушение.

Звякнув кнопкой домофона, я вышла на улицу — и будто шагнула в раскалённую духовку. Солнце и правда было ярким и горячим: оно не просто светило, а буквально плавilo асфальт, вытягивая из него терпкий запах. Лучи скользили по стенам домов, отражались в стёклах и резали глаза так, что приходилось щуриться.

Передо мной с парковки выехала чёрная машина — не просто выехала, а рванула с места, взвизгнув шинами, будто торопилась сбежать от этого зноя. Она подмигнула фарами, и этот короткий световой импульс на секунду ослепил меня.

Из-за руля вышел Владимир. Сегодня он предпочёл лёгкий белый костюм из муслина — ткань казалась почти невесомой, но на плечах уже проступили едва заметные капли пота. А его отёкшие глаза после вчерашней пьянки надёжно скрывали тёмные солнечные очки — такие, что в них не разглядеть ни взгляда, ни настроения. В этом была какая-то нарочитая отстранённость: он будто выстроил между собой и миром непроницаемую стену.

Вокруг всё жило своей летней жизнью: на скамейке у подъезда дремала рыжая кошка, лениво подёргивая хвостом;

в кустах у забора громко трещали цикады, перекрывая даже отдалённый гул города; а из приоткрытого окна на втором этаже доносился запах жареной картошки и чей-то приглушённый смех.

Я замерла на ступеньках, чувствуя, как горячий воздух обволакивает кожу, и вдруг остро осознала: этот день будет непростым. Что-то витало в воздухе — не только жара, но и напряжение, едва уловимое, как электрический заряд перед грозой. Владимир чуть наклонил голову, будто собирался что-то сказать, и в этот момент солнечные очки скользнули вниз, приоткрыв на секунду усталый, тяжёлый взгляд...

— Белкина, садись подвезу.

Дверь машины мягко щёлкнула, отрезав меня от уличного гама. Внутри пахло кожей и цитрусовым освежителем — запах был такой яркий, будто его специально накачали, чтобы перебить всё остальное. Приборная панель мерцала россыпью огоньков, а руль казался слишком спортивным для обычной поездки — как деталь из совсем другой жизни.

Черешко хлопнул дверцей, уселся за руль и, не глядя на меня, крутанул ключ в зажигании. Мотор отозвался низким, чуть рычащим урчанием — и я вдруг поняла, почему та машина сзади так спешила: рядом с этим звуком любой городской гул казался тихим шёпотом.

— Ну, рассказывай, какой там у тебя адрес, — бросил он, легко улыбаясь, но в этой улыбке было что-то нарочитое, будто он заранее отрепетировал её перед зеркалом.

Я назвала улицу и номер корпуса, голос прозвучал чуть суше, чем хотелось. Черешко кивнул, резко выкрутил руль, и машина рванула вперёд, словно только и ждала этого момента. Мы неслись по улицам, где тени от домов ложились на асфальт косыми полосами, а светофоры мелькали, как вспышки в замедленном кино.

Дорога заняла каких-то десять минут, но за это время я успела тысячу раз прокрутить в голове, стоит ли вообще что-то спрашивать. И всё же, когда машина замерла у кованых ворот вуза, когда я уже взялась за ручку двери, слова сами сорвались с языка — грубо, без прелюдий, будто я боялась, что если помедлю ещё секунду, то снова спрячу всё внутрь.

— Черешко, что тебе от меня надо?

Он замер, пальцы так и остались лежать на руле, костяшки чуть побелели. На секунду показалось, что он вообще не расслышал, будто звук застрял между нами, как застрявшая пластинка. Потом он медленно повернул голову, и солнечные очки скользнули вниз — всего на сантиметр, но этого хватило, чтобы я увидела: в его глазах не было ни насмешки, ни привычной бравады. Там была какая-то странная, почти неловкая тишина.

— Знаешь, — сказал он, и голос вдруг стал тише, без привычного напора, — иногда просто хочется подвезти человека. Без подвоха. Просто... чтобы день у кого-то стал чуть легче.

А может, он и врал. Может, в этом и был весь подвох

— говорить так, чтобы ты сама начала сомневаться: то ли он искренен, то ли просто очень хороший актёр. Я смотрела на него и чувствовала, как внутри всё сжимается от этой неопределённости. Он был как загадка, написанная на языке, который я почти выучила, но всё ещё путалась в ударениях.

И всё же, несмотря на тревогу, где-то глубоко внутри шевельнулось что-то похожее на интерес — тот самый, от которого мурашки бегут по коже, потому что ты понимаешь: сейчас начнётся что-то новое. Что-то, к чему ты не совсем готова.

Дверь машины щёлкнула, и мир снаружи будто приглушил громкость — остался только этот странный вакуум, пахнувший цитрусовым освежителем и неловкостью. Я вжалась в сиденье, будто надеялась слиться с обивкой и стать невидимкой. Мысль о том, что Владимир мог видеть во мне что-то романтическое, не просто не проскальзывала — она сидела глубоко под плинтусом подсознания, в тёмном углу, куда даже фонарик не достаёт. До неё копать и копать, да ещё и в противогазе.

А мой коктейль из интереса и страха был самый что ни на есть настоящий: по спине стекала тоненькая струйка холодного пота — будто сама природа решила напомнить: «Эй, тут тебе не комфортно, не притворяйся, что всё ок».

Тем временем странный мужчина — нет, не мужчина, а ходячая загадка в белом муслиновом костюме — выключил двигатель. Мотор затих с каким-то обиженным вздохом, буд-

то и он устал от всей этой драмы. Владимир повернулся ко мне, окинул взглядом — таким, будто сканировал штрихкод. И витало в воздухе это жутковатое ощущение: он меня не разглядывал, он меня... идентифицировал. Как подопытную мышку в лаборатории, где на клетке ещё не успели написать название вида. От этого захотелось сжаться до размера горошины и просочиться сквозь щель в полу.

— Дарина, я всего лишь хочу приятельских отношений с тобой, — произнёс он спокойно, будто предлагал вместе сходить за хлебом, а не переворачивал мой внутренний мир вверх дном.

— Дружить? И всё? — выпалила я, голос дрогнул, как у человека, который только что узнал, что мороженое теперь делают из сельдерея.

— Да, дружить, — подтвердил он и усмехнулся, явно наслаждаясь моим ошеломлением. В этой усмешке было что-то до обидного снисходительное — будто я устроила трагедию из пустяка. И тут же, не давая мне утонуть в собственных мыслях, быстро добавил: — Хорошего тебе дня. Если будет нужна какая-либо помощь — звони.

Ноги вдруг стали каменными — настоящими бетонными столбами, которые не хотели слушаться. Я выскочила из машины, будто оттуда по полу поползли муравьи. В голове крутилась одна мысль, нелепая и горькая: какой ещё можно услышать ответ от мужика старше тебя на пять лет? Он хотел... дружить. Несусветная хрень. Вселенная явно смеялась

надо мной в голос.

А тут ещё и Черешко, как назло, развернулся неподалёку и, проезжая мимо, притормозил у тротуара. Окно плавно опустилось, и он бросил, будто швырнул камешек в лужу:

— Выкинь из своей хорошенькой головки эту надуманную пошлость. Малолетки меня не интересуют.

— А... — только и успела выдохнуть я, но он уже тронулся, растворяясь в потоке машин, будто его и не было.

Владимир умчал в горизонт, а я так и стояла с раскрытым ртом, как рыба, выброшенная на берег. Даже мухи рядом не прожужжали — видимо, и они решили, что сейчас не время для фонового шума.

— Ёбушки-воробушки... — вырвалось у меня. Дедовская фраза, которую я сто лет не вспоминала, вдруг оказалась самой точной в мире. Она идеально накрывала эту сюрреалистичную сцену, словно печать: «Да, жизнь бывает вот такой. И да, ты сейчас именно это и чувствуешь».

Начало дня не сулило ничего хорошего — будто кто-то заранее настроил вселенную на режим «максимальный дискомфорт». Но день прошёл в такой плотной загрузке, что даже переживать толком не было времени: лекции, семинары, беготня между корпусами... И вот среди этого хаоса — маленький лучик: на кафедре меня действительно жаловали, а куратор, будто чувствуя, что я на грани, протянула стопку старых образцов отчётов.

— Держи, пригодятся, — бросила она между делом, по-

правляя очки. — Только не копируй слепо, а то я сразу увижу. Сделай под себя, под свою тему, добавь актуальности — и будет нормально.

Я схватила бумаги, как утопающий — спасательный круг. Оставалось лишь дополнить, отредактировать, причесать... И это было даже приятно: чёткие задачи, понятные шаги, никакой двусмысленности — не то что с Владимиром.

Консультация пролетела быстрее, чем растворимый кофе «3 в 1» из институтского автомата — буквально за один стаканчик. Глоток — и уже пора на следующую пару. Но даже среди этой суеты в голове крутилась одна и та же липкая мысль: *«А вдруг меня используют в тёмную? Вдруг я тут пешка в чьей-то игре?»* От каждого нового уведомления на телефоне я вздрагивала, как от разряда тока. Неадекватная реакция, я это понимала. Но выключить эту тревожную сирену никак не получалось.

Остаток свободного дня я сбежала в парк — туда, где шум города становился тише, а нервы понемногу отпускало. В глубине парка стояла укромная беседка, спрятанная под тенью густой листвы. Её украшали садовые огоньки — не яркие, а такие, будто светлячки решили устроить себе штаб-квартиру. В полумраке они мерцали, создавая ту самую уютную атмосферу, когда хочется завернуться в плед и читать, пока не стемнеет.

Именно здесь я и пряталась в новый роман: суровый мужчина, буря, опасность — и он обязательно спасёт свою воз-

любленную от всех бед. Я погружалась в эти истории по щелчку пальцев, будто входила в иллюзорный транс. Слова затягивали, и на пару часов реальность отступала, становилась далёкой и неважной. Но выходить из этого транса всегда было печально и неудобно — как если бы тебя насильно вернули из тёплого дома на холодный ветер.

Лишь единожды за всё чтение меня выдернуло из книжного мира знакомое до мурашек звучание голоса. Савелий. Шёл по аллее с той самой блондинкой, которую я уже видела раньше, и заливался очередной байкой — жестикулировал, смеялся, выглядел абсолютно счастливым. И в этот момент мне захотелось быть ужасно эгоистичной и подумать: *«А почему он вообще не переживает? Его вообще ничего не волнует? Или я уже давно перестала быть частью его важного?»*

Трагично, горько, но в голове тут же всплыли слова Верочки Андреевны, которая обожала выдавать житейские истины между делом: *"Не стоит поднимать с пола то, что уже упало"*.

И даже эти пресловутые «пять секунд» тут не играют никакой роли. Они просто не работают. Сколько этих «пяти секунд» у нас было за последние пять лет? Пять? Десять? В голове не было чёткого числа — только размытое пятно из расставаний и примирений, будто кто-то водил кистью по мокрой бумаге.

Было чувство, что все эти наши «расставания» никогда не становились настоящим расколом — так, трещины по льду,

которые тут же затягивались. Но, видимо, мне нужен был тот самый «Титаник», который врежется в этот лёд, расколется на части и наконец даст нам разойтись в разные стороны. Или потонуть.

Скрип ступеньки прозвучал как финальный аккорд в какой-нибудь нелепой трагикомедии — будто сцена специально ждала этой ноты, чтобы замереть. Я уже почти перемахнула через перила, мысленно прокладывая маршрут по кустам: «Пять шагов влево, нырнуть за ту раскидистую сирень, и — свобода». План был так себе, зато простой.

— Оу, кажется, здесь уже занято... — протянула блондинка, и её голос, ещё минуту назад бархатный и игривый, вдруг стал тонким и неловким. Она покраснела так стремительно, будто кто-то щёлкнул выключателем: от шеи до лба — сплошной пунцовый флаг. Потянула Савелия за рукав, будто надеялась, что он сейчас растворится в воздухе вместе с ней.

Сава не растворился. Он просто стоял, прищулив свои хитрые голубые глаза — те самые, в которые я когда-то могла смотреть часами, выискивая там всё сразу: и шутки, и серьёзность, и обещание, что всё будет хорошо. Сейчас в них не было ни сожаления, ни вины, ни вообще чего-то, адресованного лично мне. Просто любопытство. Будто я — редкий экспонат в музее, который он видел сто раз, но сегодня почему-то снова привлёк внимание.

Я не смотрела ему в глаза. Ни за что. Если мы поставили

точку — значит, *финита ля комедия*, занавес, свет гасим. Но нерв у виска колотился так, будто внутри меня кто-то бил в барабан, и тело натянулось до предела, как струна, готовая лопнуть от первого же звука.

И тут зазвонил телефон.

Звук был самый обычный — мелодия, которую я ставила ещё в прошлом году и давно собиралась поменять. Но в тот момент она прозвучала как фанфары, как голос ангела-хранителя, который наконец решил, что хватит уже испытывать мою нервную систему.

«Господи, я тебе свечку поставлю. В ближайшей церкви. Две. И пирожок оставлю, если надо».

На экране — Владимир Черешко. Тот самый, который за всё наше знакомство не приносил мне удачи от слова «со-всем». Тот, чьи фразы врезались в память, как гвозди в доску. Но сейчас... сейчас он был моим личным спасательным кругом.

Стараясь не выдать ни дрожи в руках, ни того, как отчаянно мне хочется сбежать, я нажала «Принять».

— Ты где? — спросил он без предисловий, будто мы только вчера болтали за чашкой чая, а не устраивали друг другу эмоциональные американские горки.

— В парке, — ответила я, медленно сглотнув. Слова выходили ровно, будто я тренировала эту фразу сто раз. — Уже собираюсь домой.

— Скинь точную геолокацию, я на пробежке. Тут недалеко.

ко.

Он сбросил вызов, оставив меня наедине с этим коротким, деловым, почти безразличным «тут недалеко». А я стояла, лихорадочно тыкая в телефон, пытаюсь вспомнить, где прячется эта кнопка «поделиться местоположением». Пальцы скользили по экрану, будто их окунули в масло.

Савелий и его спутница так и не попытались завести разговор. Просто молчали, наблюдая за мной, как за актрисой в немом кино. Блондинка кусала губу, Сава чуть наклонил голову, будто пытался понять, что происходит. А я делала вид, что ничего особенного: ну, звонит кто-то, ну, надо геолокацию скинуть. Обычная рутина.

Наконец точка на карте отправилась в чат. Я выдохнула, сунула телефон в карман и подняла глаза как раз в тот момент, когда из-за поворота выбежал Владимир.

В чёрных трениках и футболке, с лёгкой испариной на лбу, он выглядел совсем не так, как днём в своём белом муслиновом костюме. Сейчас он был проще, живее, будто наконец сбросил этот лощёный фасад. Он замедлился, увидев нас, потом быстро скользнул взглядом по Савелию и его спутнице, потом — ко мне. И в этом взгляде не было ни осуждения, ни любопытства, ни желания устроить сцену. Только вопрос: «Ты в порядке?»

— Ну что, готова? — бросил он, чуть задыхаясь после пробежки, и мотнул головой в сторону выхода из парка. — Пойдём, тут прохладно уже.

Я кивнула, не доверяя своему голосу, и шагнула к нему. Савелий что-то хотел сказать — я видела, как у него открылся рот, — но так и не решился. Блондинка потянула его за рукав, и они остались стоять в полутени беседки, а мы с Владимиром пошли прочь, оставляя позади эту неловкую сцену.

Тропинка шуршала под кроссовками, где-то вдалеке кричала ворона, а воздух становился всё прохладнее. Я зябко повела плечами, и Владимир, будто заметив это, стянул с себя футболку, оставшись в лёгкой майке, и накинул её мне на плечи. Ткань пахла спортивным дезодорантом и чем-то нейтральным, совсем не похожим на сладкие ароматы, которые любил носить Савелий.

— Не смотри на меня так, — хмыкнул он, заметив мой удивлённый взгляд. — Это не предложение руки и сердца. Просто замёрзнешь.

Я хотела пошутить, хотела сказать что-нибудь колкое, чтобы вернуть себе ощущение контроля, но вместо этого просто тихо сказала:

— Спасибо.

Владимир кивнул, будто это самое правильное слово на свете, и мы пошли дальше. И пусть я до сих пор не знала, придётся ли мне когда-нибудь «платить» за эту помощь, в тот момент мне было достаточно того, что кто-то просто оказался рядом. И не стал ничего усложнять.

Глава 3

It's a mew dawn

It's a new day

It's a new life for me

And i'm feeling good

«Feeling good» by Muse

— Ты хоть «спасибо» сказала? — Алина Шефнер щёлкнула крышкой термокружки, будто ставя точку в вопросе, и хитро прищурилась. Её горчичная юбка-солнце при каждом движении чуть взлетала, будто сама хотела сбежать из этой суетливой кофейни куда-нибудь на пляж.

Я пожалала плечами, пряча улыбку в чашке с каркаде. Горячий терпкий глоток на секунду перекрыл весь этот витающий в воздухе сироп под названием «любовь». А она действительно крутилась тут повсюду, как назойливая мошкара: парочки у окна шептались так, будто открыли секрет вечной жизни; Верочка Андреевна, наша вечная батарейка, сегодня прямо искрилась энтузиазмом — и не просто искрилась, а раздавала розовые платочки-банданы с принтом «love this life», будто это был обязательный аксессуар дня. Даже постоянная клиентка, мама хозяйки, вместо своего вечного классического кофе заказала клубничное капучино — будто решила: «А дайка я сегодня буду другой версией себя».

— Всё страннее и страннее... — снова шепнула я в чашку,

не столько Алине, сколько самой себе.

— Я так и не поняла. Он тебе нравится или нет? — не унималась Алина, постукивая ногтем по крышке термокружки. — Ну этот, Черешко. Ты с ним как будто в шахматы играешь: то сближаешься на клетку, то резко назад.

Я вздохнула. Вопрос был простой, а вот ответ — как пытаться поймать дым руками.

— Нравится или не нравится — вот в чём вопрос, — пробормотала я, сама себе усмехаясь. — Если честно, я и сама не пойму. Симпатия? Возможно. Влюблённость? Точно нет. Влюблённой я была давно. Ещё в седьмом или восьмом классе. И, конечно, в Савелия Солнцева.

Алина хмыкнула, будто знала эту историю наизусть.

— Ну, это классика. Первая любовь — она как ожог: вроде уже зажило, а шрам всё равно чувствуется.

Я кивнула. Да, шрам был. И не один.

— А ещё были... ну, вспышки, — продолжила я, подбирая слова, чтобы не звучать как героиня дешёвой мелодрамы. — В те периоды, когда мы с Савой расставались. В выпускном классе, на первом курсе... Первый парень был старше на пару лет, дружил с моим двоюродным братом. Мы часто пересекались в компаниях, и он казался таким взрослым, таким понимающим... Но у нас даже поцелуя не было. Так что огонёк погас быстро, и я снова вернулась к своей «старой личной жизни», будто ничего и не случилось.

Алина слушала, чуть склонив голову, будто раскладывала

мои слова по полочкам.

— А второй?

— Второй... — я запнулась, вспоминая. — Мы годами были во френдзоне. Как будто между нами стояла невидимая линия, которую никто не решался переступить. А потом как-то так вышло... То ли гормоны, то ли Венера в Марсе, как ты говоришь... Мы сошлись на первом курсе. Ненадолго. И так же быстро разошлись, снова став друзьями. Будто ничего и не было. Ну, кроме поцелуев и тесных объятий. А потом я снова тянулась к Савелию. Как магнит. Даже когда всё уже трещало по швам.

Алина помолчала, потом тихо спросила:

— И что теперь?

Я посмотрела на неё, чувствуя, как внутри поднимается эта старая, знакомая тяжесть.

— До недавних пор я вообще не могла представить свою жизнь без наших отношений. Мне казалось, что я не умею быть одна. Что мне обязательно нужен кто-то рядом, кто будет моим «покровителем». Даже если это был такой покровитель, как Солнцев. И ещё... мне нужно было о ком-то заботиться, кому-то уделять внимание. Как будто без этого я сама себя теряю.

Алина не стала спорить, не стала говорить «да ты просто привыкла». Она просто кивнула, будто слышала это уже тысячу раз.

— Понимаю. Иногда забота — это способ не чувствовать

пустоту.

Я снова вздохнула, чувствуя, как слова становятся легче, когда их произносишь вслух.

— Но вот насчёт Владимира... — я покачала головой. — Нет. Он мне не нравится. Ну, или точно не так, как нравились те мои влюблённости. Это не тот огонь, от которого хочется смеяться и плакать одновременно. Это... другое. Спокойнее. Без этих сумасшедших качелей.

Алина улыбнулась, будто именно этого и ждала.

— Знаешь, иногда «дружба» — это тоже спасение. Просто в другом смысле. Не от одиночества, а от лишнего шума в голове.

Где-то за стойкой бариста звонко щёлкнул капучинатор, кто-то рассмеялся, и этот смех рассыпался по залу, как конфетти. Любовь всё ещё витала в воздухе, но теперь она казалась мне не обязательной, не давящей, а просто частью фона — как музыка в кафе, которую слышишь, но не обязана под неё танцевать.

Я допила остывший каркаде, поставила чашку на стойку и вдруг почувствовала, как плечи опускаются, сбрасывая невидимый груз.

— Ладно, — сказала я, чуть улыбнувшись. — Пусть будет просто дружба. Без драмы. Без ожиданий. И... да, спасибо ему. За тот вечер в парке. За футболку, которую он накинул мне на плечи. За то, что не стал ничего усложнять.

Алина подмигнула, поправляя свою косу:

— Вот и славно. А теперь давай лучше про заказы. У нас ещё три латте и один раф, и если мы не поторопимся, Верочка Андреевна раздаст нам ещё по банданке, и мы будем выглядеть как хиппи-спасатели.

Я рассмеялась, впервые за долгое время искренне, без надрыва. И пошла за Алиной к кофемашине, чувствуя, что день, начавшийся с неловкости и напряжения, наконец выравнивается.

Кафе медленно погружалось в красные оттенки закатного солнца — будто кто-то пролил по стёклам густой вишнёвый сироп. Тени становились длиннее, лампы внутри горели уже не как дополнение, а как необходимость, и даже воздух будто густел от тишины, которая наступает, когда дневная суэта наконец выдыхается.

Мы с Алиной стояли у стеллажа с посудой, пересчитывая чашки, когда Верочка Андреевна вдруг замерла у окна, запрокинула голову и выдохнула:

— Какое красивое небо, девочки!

Сегодня она и правда выглядела как ангел — не строгий куратор, не хозяйка, а будто героиня старого доброго фильма: бежевый сарафан в пол струился при каждом движении, а кудряшки, подкрашенные закатным светом, казались почти алыми. Даже макияж был какой-то воздушный, без привычной тяжёлой помады и драматичных стрелок — будто она сама решила стать светлее.

— Под такую природную красоту у меня есть история...

— улыбнулась она, и в этой улыбке было столько тепла, что даже усталость от переучёта куда-то отступила.

И она рассказала. Про ту самую лавочку, про «косичку с маком» и американо, про закат, который грел дерево, и про мужчину в винном костюме, который вдруг возник перед ней, как тень, перекрыв строчки детектива. Про бархатный голос, который не резал слух, а обволакивал, про усмешку, про небритость, которая почему-то казалась не небрежностью, а особым шармом. Про то, как они два часа вычисляли убийцу, будто это была самая важная задача в мире. Про пиджак, накинутый на плечи, про фонари, которые зажглись, пока они спорили, и про то, как он проводил её до подъезда — и на этом всё. Никаких номеров, никаких обещаний, никаких «я тебе позвоню». Просто пиджак вернули, а в памяти остался закат и детектив на полке.

Алина слушала, не моргая, а под конец истории, сама того не замечая, сгрызла кончик ногтя — будто пыталась удержать эмоции, которые никак не помещались внутри.

— И вы не пытались его отыскать? Или опросить знакомых? — возмутилась она, будто речь шла о потерянном сокровище, а не о случайной встрече. — Не может быть такого, что был человек — и вот его нет!

Мы впервые видели Верочку Андреевну такой — будто из неё вдруг выглянула та самая двадцатипятилетняя девушка, которая только мечтала о своём кафе. В глазах мелькали кадры той встречи, ресницы трепетали, как крылья бабочки,

щёки порозовели, а губы сами растягивались в улыбке, будто она снова сидела на той лавочке и слушала, как незнакомец с бархатным голосом рассуждает, что убийца точно не дворецкий, а садовник.

— На следующий день я уже продумывала с подругой-дизайнером новую концепцию, бегала по книжным, искала самые востребованные романы, — продолжила она, будто перелистывала страницы альбома с воспоминаниями. — Не могла же я назвать кафе просто так. Так и родилось «Любовный роман».

— А как же живой Роман? Он же вам так понравился! — не сдавалась Алина, будто надеялась, что сейчас Верочка Андреевна достанет из кармана телефон и скажет: «А я его нашла!»

Верочка Андреевна чуть наклонила голову, и улыбка стала мягче, но в ней уже не было той юной надежды — только тихая, спокойная мудрость.

— Просто не судьба, Алин. Тем более, откуда нам знать, как он ту встречу видел? Может, ему просто было скучно, и он решил поболтать с девчонкой про книжку. А дома его, скажем, семеро по лавкам ждали.

В кафе повисла тишина — не неловкая, а такая, в которой слышно, как остывает чайник и щёлкает выключатель.

— Как-то слишком печально... — тихо сказала я, сама не зная, о чём больше жалею: о том, что история закончилась так просто, или о том, что иногда жизнь не даёт нам краси-

вых финалов.

Верочка Андреевна понимающе улыбнулась, будто слышала эту грусть не раз.

— Печально — если думать, что это потеря. А если подумать, что это просто кусочек, который дал мне идею... Тогда уже не так горько.

Она объявила смену законченной и обрадовала нас двумя выходными вне очереди — а в сумме получалось целых четыре свободных дня. Сама она собиралась на свадьбу к студенческой подруге и пожелала нам чудесных выходных, будто хотела передать нам часть этого своего лёгкого, предвкушающего настроения.

Когда мы с Алиной наконец вышли на улицу, город уже жил вечерней жизнью: горели вывески, шуршали шины, кто-то смеялся на углу. Закатное солнце догорало где-то за крышами, оставляя после себя розово-фиолетовый след.

— Четыре дня... — протянула Алина, подставляя лицо остаткам тепла. — Можно выспаться, можно объесться пирожными, можно вообще ничего не делать.

Я кивнула, чувствуя, как усталость потихоньку отпускает, уступая место чему-то новому — лёгкой пустоте, в которую можно налить что угодно.

— Или можно просто сходить в парк, сесть в ту беседку и дочитать свой роман, — добавила я. — Пусть там всё закончится хорошо. Хоть где-то.

Алина хмыкнула, легонько толкнула меня плечом.

— А может махнем в клуб в субботу вечером?

Я крутила в пальцах салфетку, сворачивая её в тугой рулон, будто от плотности зависела судьба человечества. Алина смотрела на меня с этим своим фирменным энтузиазмом — будто не в клуб звала, а предлагала спасти мир от скуки, и я была единственным супергероем в радиусе пяти кварталов.

— Ну давай, Дарина, хоть на час! — тараторила она, чуть подпрыгивая на стуле так, что даже чашка с остывшим чаем нервно звякнула. — Там будет не толпа, а атмосфера! Ну, знаешь, такая: все немножко пьяные, немножко счастливые и очень уверены, что прямо сейчас танцуют лучше, чем в клипах Бейонсе. А если совсем не зайдёт — я лично вынесу тебя на руках через сорок минут. Клянусь! На руках, как в романтических фильмах, только без поцелуя в финале.

Я только глаза закатила.

— Алина, я в клубе буду выглядеть как человек, который пришёл проверить, не забыли ли там выключить свет.

Она на секунду замерла, потом хлопнула себя по лбу.

— О! Точно! Ты будешь нашим тайным инспектором по освещению! Мы скажем на входе: «У нас тут спец по лампочкам, пропустите без очереди!» Представляешь, какой у них будет культурный шок?

Я не выдержала и фыркнула.

— Ага. И ещё попрошу показать журнал техобслуживания танцпола.

Алина тут же подхватила игру, заговорив нарочито серьёзным тоном, будто вела переговоры с суровым секьюрити:

— «Добрый вечер, уважаемый охранник. Наша Дарина должна удостовериться, что стробоскоп не представляет угрозы для людей с повышенной тревожностью. Это вопрос национальной безопасности!»

Мы обе захихикали, и напряжение, которое до этого сжимало плечи, наконец ослабло.

— Прости, что не разделяю твой восторг, — сказала я уже спокойнее. — Просто у меня в голове эта картинка: я стою у стены, улыбаюсь из вежливости, а в мыслях только «когда уже можно будет уйти?».

Алина тут же перестала изображать переговорщика, села нормально, подпёрла щёку ладонью и вздохнула с таким драматизмом, будто мы обсуждали не клуб, а закрытие любимого кондитерского.

— Ладно. Без клуба. Но мы же не можем сидеть все выходные дома и смотреть в потолок. Давай придумаем что-то другое. Что тебе хочется? Просто погулять? Съесть самую большую пиццу в городе — такую, чтобы она не влезала в кадр, и мы потом делали вид, что это фотошоп? Покормить уток? Или вообще ничего: взять пледы, сесть на лавочку у кафе и смотреть, как город зажигает фонари.

И тут в голове вдруг всплыла история Верочки Андреевны — про лавочку, закат, спор о детективе.

— Знаешь... — я запнулась, подбирая слова. — Мне бы хотелось чего-то... тихого. Без мигающих огней. Вот как у Верочки тогда: лавочка, кофе, книжка. Или даже без книжки. Просто чтобы не надо было никуда торопиться и ни под кого подстраиваться.

Алина кивнула, будто слышала не отказ, а самую важную истину во вселенной.

— Поняла. Значит, никакой гонки. Никакого «надо обязательно веселиться». Официально объявляю: мы устраиваем «день без мигающих огней». Но! — она подняла палец вверх, как лектор, который вот-вот выдаст главный аргумент. — Чтобы день не был слишком уж «тихим», мы добавим туда один элемент безумия. Например, купим по дороге самое нелепое мороженое, какое найдём. С кукурузными хлопьями. Или с маринованным огурцом. Или вообще без вкуса, но ярко-розового цвета. И будем сидеть в беседке и делать вид, что это деликатес.

Я рассмеялась.

— Ты хочешь, чтобы мы притворялись гурманами по мороженому с маринованным огурцом?

— Именно! — торжественно подтвердила Алина. — Это будет наш секретный ритуал. А если кто-то спросит: «Что вы едите?», мы будем отвечать: «Это эксклюзивная лимитированная серия, её не найти в обычных магазинах».

— А если нас поймают на вранье?

— Тогда скажем, что это социальный эксперимент. Типа

«как долго люди готовы кивать и делать вид, что понимают, о чём речь».

Я покачала головой, улыбаясь. С Алиной даже тишина получалась не скучной, а какой-то... занятой. В хорошем смысле.

— Договорились, — тихо сказала я. — Без клуба. Зато с беседкой, книжкой и... ну, может, ещё с каким-нибудь вкусным кофе. И без маринованных огурцов. Но с чем-то странным — обещаю.

Алина хлопнула ладонью по столу, но не громко, а так, по-дружески, будто ставила печать на нашем плане.

— Отлично! И если вдруг ты потом скажешь: «Знаешь, а клуб был бы неплох», я не буду говорить «я же говорила». Я просто скажу: «Окей, но сначала доедим это странное мороженое. Традиция!»

Мы допили остывший чай, собрали пустые стаканчики и вышли из кафе. Вечер уже окончательно вступил в свои права: фонари зажигались один за другим, будто кто-то щёлкал выключателями, и город становился мягче.

Я глубоко вдохнула прохладный воздух и подумала, что выходные могут быть не испытанием, а просто... временем. Местом, где можно посидеть, почитать, помолчать рядом с кем-то, кто не требует от тебя быть громче, чем ты есть. А если вдруг захочется немного безумия — рядом есть Алина, которая всегда найдёт повод превратить обычный день в маленькую авантюру.

Дожди наконец сошли на нет, и под ногами теперь постукивал сухой бетон — будто город наконец выдохнул после долгой истерики. Поднимался небольшой ветерок, колыхал ветви деревьев, а в окнах многоквартирных домов начали зажигаться люстры и гирлянды — будто кто-то невидимый щёлкал выключателями, зажигая уют по одному окну. Небольшой фонтан закончил свою работу, но продолжал светиться переливом — от ярко-зелёного до небесно-голубого, как застывшая радуга в бетонной чаше.

Не хотелось даже приглушать звуки ночного города наушниками. Было так спокойно и приятно на душе, что казалось: если сейчас закрыть глаза, можно услышать, как город тихо мурлычет себе под нос. Недалеко слышалось, как группа молодых ребят весело смеялась и тихонько пела песни под гитару — не идеально, не как на профессиональной сцене, а так, по-домашнему, будто им просто хотелось, чтобы вечер не кончался. Наступала чередa лета и каникул — время, когда даже воздух будто становился легче.

Пройдя центральную улицу, мне оставалось свернуть за ряд гаражей — и я бы оказалась у последнего подъезда своего дома. И тут нервные мурашки пробежали по рукам, будто кто-то провёл по коже ледяной расчёской. В крошечной темноте — из-за недавно разбитого дворового фонаря — я слышала щелчок зажигалки. Совсем рядом заалел огонёк сигареты. Человека не было видно. Даже силуэт едва различался, сливаясь с тенью гаражей.

Я постаралась максимально не привлекать к себе внимания, дышать тише, шагать мягче — будто если не шевелиться, меня и не заметят. В голове пронеслась самая ужасная мысль в моей жизни: *«Ну вот, это конец. Сейчас начнётся что-то из дешёвых триллеров, где героиня сама виновата, потому что пошла через тёмный двор».*

— Поздновато ты с работы возвращаешься.

Клянусь, в ту секунду я чуть не подпрыгнула до самой крыши гаражей. Сердце сделало сальто, потом кувырок, потом ещё один — и только потом вспомнило, что ему вообще-то положено просто биться. Но как же хорошо стало от того, что это был прекрасно знакомый голос. Тот самый, который вечно шутит невпопад над ней. Владимир. Старший брат друга. Человек, который мог бы пугать, если бы не знал наизусть все мои неловкие истории — и не хранил их не как компромат, а как коллекцию милых курьезов.

— Владимир, тебе не кажется, что пугать, словно «чёрт из табакерки», девушку выглядит странным? — выпалила я, и в голосе было больше раздражения, чем страха. Потому что страх уже испарился, оставив после себя только возмущение.

Мужчина шумно затянул дым, будто эта затяжка была ему нужна, чтобы выдержать мой праведный гнев, и выпустил белое облако передо мной. Теперь, зная, кто прячется в темноте, я могла различить и его силуэт, и чёрную толстовку с капюшоном, натянутым чуть ли не до бровей — будто он всерьёз считал, что так его никто не узнает.

— Когда кажется — креститься надо, — хмыкнул он, ни капельки не сожалея о содеянном. Будто тренировал мою нервную систему, как тренер выносливость: раз за разом подкидывал стресс, чтобы я становилась крепче.

— Что тебе нужно? — спросила я, скрестив руки на груди. Получилось строго, почти как у учительницы, которая застала весь класс за списыванием.

Ещё одна затяжка. Долгая, будто она давала ему собраться с мыслями. Может ли человек возбуждать мозговую работу порцией никотина? В его случае, видимо, да.

— Конкретно — ничего. Просто интересно.

— Что?

— Да вот... — он чуть наклонил голову, и в свете далёкого окна мелькнули его глаза — хитрые, спокойные, будто он знал какой-то секрет, а делиться не собирался. — Интересно, как это ты умудряешься каждый раз попадать в такие ситуации, где всё выглядит как начало триллера, а на деле оказывается просто вечер.

Я закатила глаза.

— Это не я попадаю. Это мир нарочно устраивает мне эти сцены. Как будто Вселенная думает: «Так, Дарина сегодня слишком спокойная. Надо подкинуть ей тёмный двор и огонёк в темноте».

Владимир хмыкнул, выпустил ещё одно облако дыма и вдруг улыбнулся — так, что даже в полумраке эта улыбка была заметна.

— Ну, если это сценарий, то у тебя явно главная роль. Только вот режиссёр вечно забывает прислать тебе реквизит. Ни зонта, ни фонарика, ни хотя бы тревожной кнопки.

— Зато у меня есть ты, — буркнула я, но без злости. Скорее, как будто это было самое нелепое, но надёжное прикрытие в мире.

Он пожал плечами, будто и не отрицал.

— Ага. Бесплатный элемент хоррора. «Внезапный голос из темноты: бонус к атмосфере».

Я покачала головой, но уголки губ сами собой поползли вверх. С ним даже пугающие ситуации становились какими-то... домашними.

— Мы как будто не с того начали, Дарина. Я хочу отмотать всё назад, — вдруг серьёзно сказал он, и эта серьёзность прозвучала так неожиданно, что я даже перестала злиться.

— Отмотать? И что ты скажешь вместо «Поздноваты ты...»?

Он на секунду задумался, будто репетировал фразу.

— «О, привет, Дарина! Как день? Если хочешь, можем постоять тут пять минут, пока ты отдышишься после работы. Или можем пойти купить шаурму. Или вообще ничего — просто постоим и посмотрим, как фонари загораются».

Я фыркнула.

— То есть ты хотел быть... уютным?

— Хотел быть нормальным, — буркнул он, будто сам стеснялся этой своей попытки быть «хорошим». — А вышло как

всегда.

— Как всегда, — согласилась я, уже мягче. — Но знаешь... пусть будет так. Пусть ты пугаешь меня, а потом мы стоим тут и смотрим, как загораются фонари. И если вдруг захочется шаурмы — я не против.

Он кивнул, будто принял это как официальное перемирие.

— Тогда давай хотя бы дойдём до подъезда. А то стоять тут в темноте — это уже не романтика, а экономия на электричестве.

Мы пошли рядом — не слишком близко, чтобы не казаться странной парой, и не слишком далеко, чтобы темнота не успевала снова стать пугающей. Где-то вдалеке всё ещё пели под гитару, фонари зажигались один за другим, а город потихоньку превращался из строгого и равнодушного в свой, знакомый, почти родной.

И впервые за долгое время я подумала: может, эти внезапные встречи и тёмные дворы — не про страх. А про то, что всегда найдётся кто-то, кто скажет из темноты не «Стой, не шевелись», а «Привет. Если хочешь, пойдём купим шаурму».

Мужчина затушил окурок о землю, примяв его подошвой кроссовка, и мы пошли в сторону моего подъезда. Шаги у него были спокойные, неторопливые — будто он вообще никуда не спешил, а просто составлял мне компанию в этом коротком пути сквозь вечер.

Дальше он заговорил, только когда мы оказались под относительным освещением домофонной двери — тут даже тень не могла спрятаться, и капюшон Владимира чуть сполз, приоткрыв упрямую прядь волос, вечно падающую на лоб.

— Давай сыграем в игру. Ты говоришь три факта про себя. Два из них правда, а один — ложь. Я попробую отгадать ложь.

Я чуть приподняла бровь.

— Ты серьёзно? Прямо тут, под лампочкой, которая мигает, будто у неё нервный тик?

— А где ещё? В темноте слишком много драматизма, а тут всё честно: свет есть, тени на виду.

Никогда я не казалась себе такой лёгкой на подъём, но почему-то и правда хотелось разбавить впечатление о нём чем-то интересным и хорошим. Продумывать факты я долго не стала и сказала первое, что пришло на ум:

— Я никогда не ходила в клуб с девчонками и не напивалась алкоголем, во-первых. Во-вторых, я ненавижу детективные сериалы с элементами мелодрамы, которые всегда крутят на центральном телевидении. И в-третьих, я никогда не изменяла своему партнёру в отношениях.

Владимир замер на секунду, будто эти три фразы нужно было разложить по полочкам, как улики. Потом хитро сверкнул глазами из-под капюшона:

— Я могу задавать уточняющие вопросы?

— Как хочешь, — пожала плечами я, хотя внутри уже ше-

вельнулось любопытство: а что он выцепит?

— Твой любимый алкогольный напиток?

Я даже не задумалась.

— Виски с колой, — уверенно протянула я. — Меньше виски, больше колы и льда. Почти лимонад, только с характером.

Он кивнул, будто записал это в невидимый блокнот.

— Хорошо. Какие каналы по ЦТВ ты чаще смотришь?

Вот тут был вопрос с подвохом. Но я здесь не для того, чтобы кого-то обманывать. Это его игра, не моя.

— Наверное, «Пятница» и «Домашний».

Он снова кивнул, но в этом кивке не было уверенности — скорее, он проверял, как факты стыкуются между собой.

— Сколько у тебя было отношений?

— Одни.

Я думала, что сейчас он выберет один факт и на этом всё закончится, но он решил по-своему. Пару секунд помолчал, глядя куда-то мимо меня — будто не на меня смотрел, а на свои собственные рассуждения.

— Мне нужно время, чтобы обдумать, — наконец сказал он. — А тебе пора домой. Не прощаюсь.

И, так же неожиданно, как появляется, он исчез. Только тень скользнула в сторону гаражей, капюшон снова накрыл лицо, и через мгновение его уже не было — будто и не стоял тут, будто это мне привиделось на фоне мигающей лампочки.

Я стояла, смотрела на эту лампочку, которая продолжала нервно подмигивать, и вдруг рассмеялась — тихо, почти про себя. Потому что поняла: он не хотел ничего выведать. Просто хотел, чтобы этот вечер не был просто «я шла домой, и меня напугали». Он хотел, чтобы он стал историей. С правилами, вопросами, недоговорённостями.

Достала ключи, приложила к домофону, и дверь щёлкнула, как финальная точка. Уже заходя внутрь, я подумала: пусть думает хоть неделю. Пусть раскладывает мои факты, как пасьянс, и пытается понять, где ложь. А я... я просто буду ждать, когда он снова появится из темноты и скажет: «Ну, я тут кое-что понял». Или не скажет. Или скажет что-то совсем другое. Например: «Давай лучше шаурму купим».

В подъезде было тихо и пахло старым ремонтом, но на душе отчего-то стало теплее. Я поднялась на свой этаж, открыла дверь, и в квартиру ворвался привычный уют: тёплый свет, чайник, стопка книг на полке.

А потом достала телефон и написала Наде. *«Сегодня меня снова напугал Владимир. Но на этот раз мы играли в две правды, одна ложь. И знаешь, что самое странное? Мне понравилось».*

Надя ответила через секунду. *«Ты с ним в игру играла, а не убегала — это прогресс! Что загадала? Рассказывай!»*

Я улыбнулась, поставила чайник и напечатала. *«Пока секрет. Пусть он сначала догадается. А если не догадается — я сама скажу. Или придумаю четвёртый факт».*

Глава 4

Удивительно как человек может поменяться за такой короткий срок. И говоря про себя, я будто начала дышать полной грудью. Всему виной был звонок по фейс-тайму от родителей. Мама так и звенела от счастья, словно радостная маленькая птичка. А папа будто окунулся в море любви и улыбка с его лица ни на секунду не исчезала.

После Байкала родители решили рвануть на автомобиле по Золотому Кольцу, объездить все храмы и соборы, полетать на воздушном шаре и прокатиться на речном трамвайчике.

Количество сувениров уже не вмещалось в отделение багажника старого митсубиси, а отцовский глаз при каждом упоминании об очередном магнитике начинал подозрительно дергаться. Как говорится - любишь кататься, люби и саночки возить. Это я про отношения моих родителей. За такую долгожданную идилию отцу приходилось платить огромную цену и меняться на глазах.

Причины нескончаемых конфликтов в прошлом на глазах перерастали в причины из-за которых мои родители были до сих пор вместе.

Моё сердце нескончаемо радовалось, когда родители словно подростки неловко друг друга обнимали и краснели от собственных мыслей. Видимо в их голове, я как была ма-

леньким ребенком, так и осталась. Хотя они полностью делегировали на меня обязанности взрослой жизни.

– А кушаешь ты там хорошо? Не голодаешь? - подозрительно щурила свои голубые словно глубокое озеро глаза мамочка.

Сколько бы мне лет не было мамочку всегда будут волновать обыденный вопросы моего выживания в этом суровом и сером мире. Будто они меня кинули на растерзание каменных джунглей, ей богу.

Спасибо хоть папа не выдумывал никаких проблем на мою голову и лишь подкидывал «шутеек» на тему моего печального одиночества. И это ему еще неизвестна причина моего, так сказать, «одиночества». Родителям не было известно о расставании и моих душевных терзаниях. Для них - Савелий отчалил в ежегодное турне с бабушками на озера, а я спокойно работала и училась.

Скривившись от маминых вопросов я возмущено посмотрела на отца: *«Мол, папаня, угомони этот энергичный огонёк и дай выдохнуть своей кровиночки».*

– Мам, всё отлично. - Натянула на лицо самую «естественную» улыбку. - Ем отлично, работаю прекрасно, учусь замечательно. Проблем никаких. Всё супер!

Мамочка про сканировала меня своим взглядом от макушки до начала ключицы и неодобрительно прищурилась.

– Что-то меня напрягает, Дариночка. Как будто что-то поменялось в тебе, а что не понятно.

Заверив матушку в своем отличном состоянии я наконец закончила эту видео-пытку и наконец выдохнула.

Суббота началась как не к стати напряженно, но у меня в планах был новый роман о преподавателе и студентке и губы расплзались в мечтательной улыбке. Оставалось только собрать всю грязную одежду и загрузить в стиралку, и можно было со спокойной душой нырнуть в мир фантазии и любви.

И вот этот самый момент предвкушения - я, книга и мягчайшее кресло у окна. И тут - дзынь! Дверной, чтоб его, звонок!

– Твою налево!

Ругаясь про себя я проскакала к входной двери квартиры и с жесточайшим выражением лица открыла дверь. Хотелось рвать и метать, но пришлось затушить разгорающийся костер ярости и поприветствовать высоченного школьного друга - Руслана.

Руслан был тем самым «номер два» в моей летописи влюбленностей. Наши неудавшиеся отношения мы короновали в вечную френд-зону, а неловкие поцелуи и объятия поклялись вычеркнуть из памяти, благо это получилось сделать вполне себе сносно.

Сейчас наше общение напоминало тлеющий уголёк, который то разгорался, то тух полностью. Встречи становились редкими и не только из за печального бэкграунда, но и новой пассивности друга. Новоиспеченной девушке Руслана категорически не нравилось наше общения, ну а мы ее старались не нер-

вировать попусту. Нам искренне не хотелось за зря волновать сверх-эмоциональную девушку. И сейчас я была в полном недоумении от появления вечного друга на пороге моего дома.

– Привет, Даринка. - лукаво протянул Руслан пряча за спиной пакет с заинтриговавшим меня содержанием. - Давно не виделись.

Подозрительно сощурившись я вышла из коридора и направилась к привлекающему меня месту - креслу, параллельно кинув ему: - Проходи!

Угнездившись на своем месте я кивнула парню на кухонный чайник предлагая его включить дабы заварить чайку. Друг выполнил указания и поставил на стол загадочный пакет извлекая из него две упаковки "чокопаев" со вкусом дыни и коробку моего любимого фруктового чая.

Ощущение загадочности витавшее в воздухе усилилось. Руслан не начинал разговора пока не наполнил наши стаканы новым чаем и не вскрыл упаковку со сладким подношением.

Не вытерпела я первой.

– Выкладывай, Русланчик, что тебя привело на порог моего дома?

Парень видимо для уверенности глотнул чайку и выдал.

– Я знаю, что вы расстались с Савкой.

И покосился так на меня настораживающие, что пробрало до костей, словно ледяным потоком по позвоночнику. Ситуация, конечно, патовая. Мне слишком сильно не хотелось

чтобы близкие друзья как то сверх меры переживали из за моей личной жизни.

Я замерла с «чокопаем» в руке, и вся эта уютная картинка — кресло, книга, предвкушение тихого дня — вдруг рассыпалась, как печенье, которое слишком сильно сжали. Дынный «чокопай» смотрел на меня с упрёком: мол, ты хотела просто почитать, а теперь придётся разговаривать о том, о чём вообще не хочется.

— Откуда? — только и смогла выдавить я, хотя вопрос был глупый: в нашем городе новости разносились быстрее, чем утренний кофе остывал.

Руслан чуть поёрзал на табуретке, будто сиденье вдруг стало колючим, и уставился в свою чашку, как будто там были не чайники, а ответы на все вопросы.

— Савка сам сказал. Ну, не прямо «мы расстались», а так... между делом. Типа: *«Дарина теперь сама по себе, не грузи её»*. А я сразу понял: что-то тут не то. Ты ведь никогда *«сама по себе»* не бываешь — ты либо в деле, либо в книге, либо в каком-то плане. А тут тишина. И я... ну, забеспокоился.

Я хотела возмутиться: «А кто просил беспокоиться?», но слова застряли. Потому что в этом «я забеспокоился» не было ни жалости, ни желания залезть в душу с фонариком и пинцетом. Просто... забота. Такая неловкая, как этот дынный «чокопай», но от этого не менее настоящая.

— И что теперь? — буркнула я, отламывая кусочек пече-

нья и делая вид, что вся моя жизнь сейчас — это только вкус дыни и чая. — Будешь меня утешать? Говорить, что «он не стоил» и «ты заслуживаешь лучшего»?

Руслан хмыкнул и наконец посмотрел мне в глаза — без этой своей привычной хитрой ухмылки, а просто спокойно, по-дружески.

— Честно? Не буду. Потому что ты и сама всё знаешь. И если начнёшь сейчас кивать и делать вид, что согласна, я почувствую себя ведущим на ток-шоу про разбитые сердца. А я не ведущий. Я тот, кто принёс дынные «чокопай», потому что помню, что ты их любишь, даже если это самый странный вкус на свете.

И тут меня прорвало. Не на слёзы, не на драматичные вздохи, а на смех — немного нервный, немного облегчённый.

— Ты серьёзно? Дыня? В «чокопае»? Это же преступление против кондитерского искусства!

— Зато запоминается, — парировал он, чуть приподняв бровь, будто защищал честь этого сомнительного десерта. — Как и всё, что мы делаем. Помнишь, как в десятом классе ты решила, что можешь собрать скворечник, а получился домик для хомяка-переростка?

Я фыркнула.

— Это был не домик для хомяка, это был авангардный арт-объект!

— Ага. Который кот потом использовал как лежанку.

Мы оба рассмеялись, и напряжение, которое висело в воздухе с того самого момента, как он произнёс «я знаю, что вы расстались», по-тихоньку начало оседать, как пыль после хорошего сквозняка.

— Знаешь, что самое странное? — тихо сказала я, уже без вызова, просто как факт. — Я не чувствую себя разбитой. Ну, может, самую малость. Но в основном... будто с плеч свалился рюкзак, набитый мокрыми полотенцами. Тяжёлый, неудобный, и ты уже и не помнишь, когда его надел. А тут — раз, и полегчало.

Руслан кивнул, будто это было самое понятное объяснение на свете.

— Понимаю. Иногда самое трудное — это не расстаться, а перестать тащить этот рюкзак.

Я покосилась на него.

— А ты откуда знаешь?

Он пожал плечами, чуть смущённо.

— У меня тоже бывали рюкзаки. И не только с полотенцами.

В комнате снова стало уютно. Чайник тихо щёлкнул, выключаясь, дынный «чокопай» уже не казался таким преступным, а книга на подоконнике будто подмигивала: «Не переживай, я никуда не денусь».

— Спасибо, что пришёл, — сказала я, и это прозвучало не как дежурная вежливость, а как правда. — Даже с этими сомнительными сладостями.

— Всегда пожалуйста. А если вдруг рюкзак снова станет тяжёлым — я опять приду. Или просто так. Без повода. Ну, или с поводом в виде какого-нибудь ещё более странного печеня.

Я улыбнулась и наконец откусила кусочек «чокопая». И знаешь, что? Он был... не ужасным. Станным, да. Но в этой странности было что-то своё. Как в дружбе, которая держится не на драме, а на том, что кто-то помнит, какой вкус тебе нравится, даже если весь мир считает его нелепым.

— Ладно, — проговорила я, откладывая упаковку. — Давай не будем про Савку. Расскажи лучше, как там твоя новая пассия. Или не надо? Если она против нашего общения, я не обижусь, честно.

Руслан закатил глаза, но в этом жесте не было злости — скорее, усталость от чужих эмоций.

— Да она не против, просто... ревнует ко всему, что движется. Даже к автобусной остановке. Но я ей объясняю: ты — не угроза, ты — как сестра. Ну, почти.

— Почти — это потому что мы целовались?

Он покраснел — чуть-чуть, ровно настолько, чтобы было видно: ему до сих пор неловко.

— Вот поэтому и «почти». Но сейчас это вообще не важно. Сейчас важно, что ты в порядке. И что у тебя есть дынные сладости и друг, который не лезет с советами.

Я кивнула.

— И кресло. И книга. И окно, из которого видно, как го-

род потихоньку становится вечерним.

Руслан посмотрел на книгу, лежащую на подоконнике, и усмехнулся.

— Преподаватель и студентка, да? Ну, классика. Надеюсь, там всё закончится хорошо.

— Обязательно, — улыбнулась я. — В книгах всегда можно сделать так, чтобы всё закончилось хорошо.

Руслан допил чай, поставил чашку на блюде с таким акуратным стуком, будто это был какой-то особый сигнал, и вдруг посмотрел на меня не как на старую подругу, а как... ну, как будто время на секунду откатилось назад. В тот самый первый курс, когда мы оба не знали, что делать с этими неловкими чувствами, и в итоге решили, что проще всего — сделать вид, будто ничего и не было.

— Знаешь, Дарина, — он чуть наклонился вперёд, голос стал тише, будто он боялся спугнуть собственные слова, — я всё это время думал... может, мы тогда слишком быстро всё списали на «ну, это просто дружба». Может, стоило попробовать ещё раз. Посмотреть, куда это приведёт.

Я замерла. Чашка в моих руках вдруг стала какой-то слишком тяжёлой, а дынный «чокопай» — будто улика в деле, которое я не хотела открывать.

— Руслан... — протянула я, подбирая слова так, чтобы не обидеть, но чтобы он точно понял. — Мы же договорились. Френдзона. Вечная. С печатью, с подписями, с нотариусом.

Он не отводил взгляда, и в этом была какая-то упрямая

искренность, от которой становилось ещё неуютнее.

— Я помню. Просто... когда узнал про Савку, внутри всё как будто щёлкнуло. И я подумал: а вдруг это знак? Что мы должны дать себе ещё один шанс.

У меня в груди всё сжалось, и не от того, что я вдруг снова к нему что-то почувствовала, а от этой внезапной тяжести — будто на плечи положили бетонную плиту. Я не хотела быть чьей-то надеждой. Не хотела, чтобы он смотрел на меня так, будто я — решение всех его вопросов.

— Руслан, послушай, — я поставила чашку, чтобы руки не дрожали, и постаралась говорить спокойно, но твёрдо. — Я сейчас вообще не про новые шансы. Я про то, чтобы просто выдохнуть. Про дынные «чокопаи», про книжку у окна, про то, чтобы никто не ждал от меня ничего особенного. А если ты сейчас будешь смотреть на меня вот так... я не смогу просто сидеть и пить чай.

Он будто только сейчас понял, что переступил невидимую черту. Лицо его дрогнуло, он резко откинулся на спинку стула, будто пытался отодвинуться от собственных слов.

— Прости, — пробормотал он, потирая ладонью затылок. — Я не хотел всё усложнять. Просто... вырвалось.

— Ничего, — сказала я, но голос прозвучал суше, чем хотелось. — Просто давай не будем. Ладно?

Он кивнул, но в этом кивке было столько неловкости, что мне стало его почти жаль. Почти. Но жалость сейчас была последним, что нам обоим нужно.

— Слушай, я вообще сегодня не очень в форме для разговоров про чувства, — добавила я, вставая и начиная собирать чашки, будто эта мелкая бытовая суэта могла вернуть нас на прежние рельсы. — Давай в другой раз, когда у меня голова будет не такой... пустой. Или наоборот — не такой забитой.

Руслан тоже поднялся, сунул руки в карманы, будто не знал, куда их деть.

— Да, конечно. Прости ещё раз. Я... пойду. А эти «чокопай» оставь себе. Пусть будут антидепрессантом.

— Ладно, — кивнула я, провожая его до двери и чувствуя, как с каждым шагом становится чуть легче дышать.

Когда дверь за ним закрылась, я прислонилась к ней спиной и закрыла глаза. В квартире сразу стало слишком тихо. Книга на подоконнике больше не манила, кресло казалось слишком большим и пустым, а дынный «чокопай» — вообще каким-то издевательством.

В голове крутилась одна и та же мысль: *«Почему нельзя просто дружить? Почему обязательно надо всё усложнять?»* И следом — другая, неожиданная: *«А может, как раз потому, что всё слишком усложнилось, и нужно что-то совсем простое? Что-то, где не надо ничего объяснять, не надо подбирать слова, не надо никого жалеть».*

И тут вспомнилось предложение Алины. Клуб. Толпа. Музыка, которая не даёт думать. Мигающие огни, которые не дают смотреть друг другу в глаза. И рядом — Алина, ко-

торая не будет ничего от меня ждать, а просто скажет: «Ну что, погнали? Хотя на сорок минут!»

Я достала телефон, пальцы дрожали не от страха, а от какого-то лихорадочного решения — как будто я прыгала с невысокого, но крутого обрыва.

«Ладно. Давай в клуб. Хотя на час. Мне сейчас нужно, чтобы было шумно».

Алина ответила мгновенно, будто сидела с телефоном в руке и ждала именно этого сообщения:

«УРА! Я знала, что ты согласишься! Это будет лучший час в твоей жизни, обещаю! Или хотя бы самый громкий»

Я улыбнулась, но улыбка получилась кривой, натянутой. Потом села на край кресла, посмотрела на книгу, на остывший чай, на дынный «чокопай», который теперь казался символом всего этого странного дня.

И подумала: *«Пусть будет шумно. Пусть будет ярко. Пусть будет хоть что-то, что не требует от меня быть кем-то, кроме просто Дарины, которая пришла потанцевать и не хочет ни о чём думать».*

Клуб пульсировал, как живой организм: басы отдавались в груди, разноцветные огни скользили по лицам, превращая всех в персонажей какого-то безумного фильма. Дарина держалась рядом с Алиной, будто эта близость была спасательным кругом — она улыбалась, кивала в такт музыке, делала вид, что всё нормально, хотя внутри всё ещё шевелилось то неловкое чувство после разговора с Русланом.

Алина, напротив, будто родилась для этой атмосферы: она смеялась, двигалась свободно, и в какой-то момент к ней подошёл парень — высокий, в стильной рубашке, с такой уверенной улыбкой, будто весь клуб построили специально для него. Он что-то прокричал Алине на ухо, та рассмеялась, махнула рукой в сторону бара, и они вдвоём растворились в толпе.

Дарина осталась стоять у колонны, чувствуя себя лишней в этой сцене. «Ну вот, — подумала она, отступая к выходу, — пусть у Алины будет свой момент. Не буду висеть на хвосте».

Она вышла на улицу, где воздух был прохладным и почти трезвым по сравнению с густым, пряным теплом клуба. У входа стояли секьюрити — спокойные, внушительные, с этими их непроницаемыми лицами, будто высеченными из камня. Один из них чуть кивнул ей, как будто отмечая: *«Вижу, ты тут, всё под контролем»*. И от этого кивка Дарине стало чуть спокойнее.

Она отошла к стене, прислонилась к прохладному кирпичу и достала телефон, просто чтобы чем-то занять руки. Экран светился, но смотреть было нечего: ни сообщений, ни срочных дел. Только тишина, нарушаемая глухим ритмом музыки из клуба и далёкими голосами прохожих.

И тут из переулка, будто волна, хлынула толпа мужчин — шумная, возбуждённая, кто-то кричал, кто-то толкался, и через мгновение всё это переросло в потасовку. Секьюрити мгновенно сорвались с места, голоса стали резкими, коман-

ды короткими, и улица на несколько минут превратилась в поле боя.

Дарина инстинктивно вжалась в стену, стараясь стать незаметной. Но один из парней, пьяный, с расстёгнутой рубашкой и дикими глазами, вдруг вынырнул из хаоса и уставился на неё.

— Эй, ты чего тут стоишь? Скучаешь? Давай с нами! — он шагнул к ней, и в его голосе не было ни намёка на вежливость — только напор и алкоголь.

Сердце Дарины ухнуло вниз. Она покачала головой, попыталась сказать «нет», но слова застряли в горле. Парень шагнул ближе, и мир будто сузился до этой одной опасной точки.

В этот момент в кармане завибрировал телефон. Дарина схватила его, как спасательный трос. На экране — имя: «Владимир».

— Алло, — прошептала она, и голос дрогнул.

— Дарина? Ты где? — в его голосе не было паники, но была такая твёрдость, которая сразу заставила её плечи чуть опуститься.

— У клуба... тут... драка... и один парень... — она не смогла закончить, слова рассыпались.

— Стой там, где стоишь. Не уходи никуда. Я уже еду. Пять минут.

Он не стал задавать лишних вопросов, не стал говорить «держись», не стал успокаивать банальностями. Он просто

сказал: «Я еду». И этого хватило.

Дарина прижала телефон к уху, будто он был щитом, и смотрела, как секьюрити наконец взяли ситуацию под контроль: растащили толпу, кого-то усадили на асфальт, кому-то что-то строго говорили. Пьяный парень, который к ней приставал, отвлёкся на шум, замешкался, потом его кто-то окликнул, и он ушёл, растворившись в суете.

Через три минуты у обочины резко затормозила машина. Владимир выскочил, не дожидаясь, пока двигатель заглохнет. Он пробежал взглядом по улице, нашёл её у стены, и в этом взгляде было столько облегчения, смешанного с гневом, что Дарина сама не поняла, хочется ей плакать или ругаться.

— Ты в порядке? — он подошёл, встал между ней и улицей, будто закрывая собой всё, что могло быть опасным.

— Теперь да, — прошептала она и вдруг почувствовала, как по щекам катятся слёзы — не от страха уже, а от того, что кто-то приехал, потому что она сказала, что здесь ей плохо.

Владимир снял куртку и накинул ей на плечи. Ткань пахла улицей, бензином и чем-то таким, что было только у него — спокойным, упрямым, надёжным.

— Поехали отсюда, — тихо, но твёрдо сказал он. — Тебе не нужно это видеть.

Она кивнула, вцепилась пальцами в лацканы куртки, и они пошли к машине. Улица всё ещё гудела, секьюрити продолжали наводить порядок, но для Дарины этот шум уже

стал чем-то далёким, неважным.

Когда они сели в машину, Владимир на секунду задержал руку на руле, будто собирался с мыслями, и посмотрел на неё:

— Больше никаких клубов. Если хочешь тишины — будет тишина. Если хочешь просто сидеть и смотреть, как фонари зажигаются, — будем сидеть. Но не там, где тебе страшно.

Дарина хотела возразить, сказать, что она взрослая и сама решает, куда ходить. Но вместо этого просто тихо сказала:

— Спасибо, что приехал.

— Всегда, — просто ответил он, завёл машину, и они поехали прочь от мигающих огней, от криков, от всего, что сегодня оказалось слишком громким.

А где-то в клубе Алина, наверное, всё ещё смеялась над шуткой того парня у бара. И Дарина улыбнулась сквозь слёзы: пусть у подруги будет её маленький праздник. А у неё сейчас — просто дорога, тёплый запах куртки Владимира и чувство, что сегодня кто-то точно не даст ей упасть.

Машина плавно остановилась у подъезда. Владимир заглушил двигатель, но не спешил выходить — будто хотел дать Дарине ещё минуту, чтобы перевести дух, чтобы мир перестал вращаться слишком быстро.

— Ну вот. Дома, — тихо сказал он, кивая на освещённые окна её этажа.

Дарина посмотрела на эти окна, будто видела их впервые: не как серые квадраты в стене, а как маленькие маячки, обе-

щающие тепло и тишину.

— Спасибо, что довёз, — прошептала она, пальцы всё ещё чуть подрагивали, но уже не от страха, а от того, как резко сменились декорации: от криков и мигающих огней — к спокойной темноте двора и ровному свету фонарей.

— Не за что, — Владимир чуть наклонил голову, будто взвешивал, стоит ли что-то добавить, и добавил совсем другое: — Если хочешь, я посижу тут, пока ты не войдёшь. Или могу проводить до двери.

Она вдруг улыбнулась — не широко, не радостно, а так, когда внутри что-то потихоньку встаёт на место.

— Знаешь, если не торопишься... заходи на чашку чая. У меня есть какой-то фруктовый, который друг сегодня принёс. И, кажется, ещё остался дынный «чокопай». Предупреждаю сразу: это на любителя.

Владимир приподнял бровь, потом хмыкнул, будто услышал не приглашение, а вызов.

— Дынный «чокопай»? Это уже повод зайти. Люблю, когда вечер преподносит сюрпризы.

Пока Владимир поднимался следом, Дарина быстро набрала Алине сообщение: *«Не теряй меня, я дома. Не переживай. Желаю чудесного вечера с красавчиком»*. Отправила, выдохнула и только тогда почувствовала, что напряжение окончательно сползло с плеч.

Квартира встретила их тишиной и запахом свежего чая, который будто ещё помнил дневной уют. Владимир снял

куртку, огляделся — и первым делом усталился на книжные полки, занимавшие почти всю стену в комнате.

— Ого, — протянул он, подходя ближе и скользя взглядом по корешкам. — Тут целая вселенная. И детективы, и романтика, и что-то такое... с очень серьёзным видом. Ты всё это читала?

— Почти всё, — смущённо призналась Дарина, ставя чайник. — Ну, кроме пары учебников по экономике, которые мне подарили на Новый год, и я до сих пор не знаю, как их вернуть, не обидев.

Владимир рассмеялся — громко, свободно, и этот смех вдруг сделал квартиру ещё уютнее.

— Понимаю. У меня где-то лежит гантель, которую мне бывшая девушка подарила. Мол, «пора начать следить за формой». Я её даже из коробки не доставал. Теперь она стоит в углу и смотрит на меня с укором.

Дарина хихикнула, и неловкость, которая всегда витает в воздухе, когда кто-то впервые заходит к тебе домой, начала таять.

— А что за бывшая? — спросила она, раскладывая чашки и стараясь, чтобы вопрос прозвучал не как любопытство, а как обычное продолжение разговора.

Владимир замер на секунду, будто сам не ожидал, что эта тема всплывёт так легко. Он отошёл к окну, посмотрел на тёмный двор, потом снова повернулся к Дарине — и в его взгляде мелькнуло что-то уязвимое, почти мальчишеское.

— Спортсменка, — тихо начал он, будто каждое слово приходилось вытаскивать из себя по одному. — Карина. Она бегала марафоны, поднимала штангу, жила по секундам. У неё даже кофе был по расписанию: ровно 250 миллилитров в 7:20 утра. Всё было выверено, всё имело смысл. А я... я вечно опаздывал. Не потому что не хотел, а потому что жизнь не уместалась в её график.

Он помолчал, подбирая слова, и Дарина вдруг поняла, что он не просто рассказывает историю — он будто оправдывается перед кем-то внутри себя.

— В какой-то момент она сказала: *«Прости, мне нужно пространство»*. И я не злился. Честно. Просто... каждый раз, когда я вижу, как кто-то бежит по набережной, у меня внутри что-то сжимается. Потому что я сразу представляю её: кроссовки, наушники, прямая спина, взгляд вперёд — она никогда не оглядывалась. Даже на прощание.

Дарина хотела сказать что-то ободряющее, про *«время лечит»*, про *«ты найдёшь кого-то»*, но вовремя прикусила язык. Потому что по его лицу было видно: он не хотел утешений. Он хотел, чтобы кто-то просто выслушал и не стал обесценивать его чувства.

— Наверное, тяжело, когда ты понимаешь, что не вписываешься в чужой идеальный план, — тихо сказала она.

Владимир кивнул, будто эти слова попали точно в цель.

— Да. Самое обидное не то, что она ушла. А то, что я до сих пор иногда ловлю себя на мысли: *«А что, если я тогда*

просто встал бы на час раньше? Если бы научился пить кофе ровно в 7:20?». Будто проблема была во мне. Будто я мог всё исправить, если бы чуть лучше постарался.

— Но ведь нельзя стать чьей-то галочкой в расписании, — возразила Дарина, и голос её прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Нельзя быть *«сорока минутами»* между тренировками. Ты не деталь механизма. Ты человек. И тебе нужно больше, чем сорок минут.

Владимир посмотрел на неё так, будто впервые увидел не просто знакомую девушку, а кого-то, кто действительно его понял.

— Знаешь, — он чуть улыбнулся, но улыбка была грустной, — я столько времени потратил на то, чтобы убедить себя, что это я был слишком медленным. Что я не поспевал за её скоростью. А сейчас, вот здесь, в твоей квартире, среди всех этих книг, я вдруг подумал: может, дело не в скорости. Может, дело в том, что мы просто бежали по разным дорожкам.

Дарина села на табуретку у кухонного окна, подтянув колени к груди.

— Иногда хочется, чтобы кто-то просто был рядом, даже если он не вписывается в расписание. Чтобы можно было сказать: *«Я сегодня устал, давай просто посидим»*. И чтобы это было нормально.

Владимир сел напротив, поставил чашку на подоконник и вдруг хитро прищурился, будто решил, что хватит грустить.

— Ладно. Давай без драм. Расскажи лучше про Савку. Если хочешь. Или не рассказывай. Я тут не для того, чтобы вытягивать из тебя слёзы. Просто если хочется выговориться — я умею слушать. Даже когда молчу.

— Знаешь, с Савелием мы расстались не из-за какой-то драмы, — начала она, не глядя на Владимира, а будто разговаривая с паром, поднимающимся от чашки. — Никаких измен, никаких чемоданов у двери. Просто... я хотела большего. Не денег, не подарков, не каких-то подвигов. Просто чтобы он замечал. Чтобы сказал: *«Дарина, ты сегодня в этом свитере такая красивая»*. Или: *«Давай сегодня никуда не пойдём, просто посидим»*. Чтобы он видел, что мне важно.

Владимир замер с ложкой в руке, будто боялся спугнуть её слова. Потом медленно положил ложку и сел напротив, не отводя взгляда.

— А он?

Дарина горько усмехнулась.

— А ему и так всё нравилось. Он говорил: *«Ну чего ты придумываешь? У нас всё нормально»*. Для него «нормально» значило: мы вместе, мы живём, мы едим, мы смотрим сериалы. И этого ему было достаточно. А мне... мне становилось всё тише внутри, будто меня постепенно выключали. Я пыталась как-то это показать: то обниму чуть крепче, то спрошу: *«Ты меня любишь?»*, то просто сижу и жду, когда он сам заметит, что я грустная. А он только вздыхал и говорил: *«Не будь такой приставучей, Дарин. Мне и так хорошо»*.

Она запнулась, почувствовав, как в горле встаёт комок. Но не заплакала. Вместо этого сжала пальцы на тёплой чашке, будто чашка могла удержать всё, что сейчас грозило рассыпаться.

— И знаешь, что самое обидное? — прошептала она. — Я ведь не просила невозможного. Просто хотела, чтобы он хоть раз сказал: «Я вижу, что тебе мало. Давай придумаем, как сделать, чтобы тебе было больше». Но он не хотел ничего придумывать. Ему было нормально. А я чувствовала себя... навязчивой. И от этого становилось стыдно. За свою «приставучесть».

Владимир помолчал, и в этой паузе не было ни осуждения, ни торопливых «он не стоил тебя». Он просто дал ей время выдохнуть.

— Это не приставучесть, — наконец тихо сказал он, глядя куда-то мимо, будто подбирал самые точные слова. — Это когда тебе не хватает тепла, и ты тянешься к человеку, потому что думаешь: *«Если я буду ближе, если я буду заметнее, он наконец меня увидит»*. А он... он просто не умел видеть. Не потому что плохой, а потому что не знал, как.

Дарина подняла глаза, и в них мелькнуло облегчение — будто ей разрешили не стыдиться своих чувств.

— Да, — тихо согласилась она. — Именно. Я не хотела быть навязчивой. Я хотела быть нужной. А он воспринимал это как давление. В какой-то момент он прямо сказал: «Мне не нравится, когда ты всё время чего-то ждёшь. Я не могу

быть тем, кто всё время тебя спасает». А я и не просила спасать. Я просила просто быть рядом. По-настоящему.

Она замолчала, и лёгкая обида, которая всё ещё жила где-то под рёбрами, вдруг перестала быть острой. Она стала просто грустной. И от этой грусти уже не хотелось кричать.

— Наверное, я до сих пор немножко на него обижена, — призналась она, чуть пожав плечами, будто извинялась за эту обиду. — За то, что он даже не попытался понять, что со мной происходит. За то, что сразу навесил ярлык «приставучая» и закрыл тему.

Владимир кивнул, будто понимал эту обиду и не собирался её обесценивать.

— На обижаться можно. Если тебе не дали места для твоих чувств, нормально, что остаётся осадок. Это как когда тебе говорят: «*Не переживай*», а ты как раз и хочешь переживать, потому что тебе больно. И если не дают, то обида остаётся.

Он потянулся к «чокопаю», отломил кусочек, задумчиво пожевал и вдруг чуть улыбнулся.

— Знаешь, этот вкус... он странный. Но если к нему привыкнуть, в нём даже что-то есть. Как в воспоминаниях. Бывает, помнишь что-то, и сначала думаешь: «Фу, какой ужас», а потом вдруг понимаешь: «А ведь тогда я была живой. Я чего-то хотела. Пусть и не очень ловко».

Дарина рассмеялась — тихо, но искренне.

— Ты умеешь находить хорошее даже в дынном «чоко-

пае».

— Стараюсь, — подмигнул он, и эта простая шутка снова сняла напряжение.

Они посидели ещё немного, допили остывший чай, поговорили про что-то совсем обычное: про дурацкие сериалы, про запах дождя, про то, как странно выглядит город ранним утром, когда на улицах почти никого нет. И разговор про Савку больше не висел над ними тяжёлым грузом — он просто стал частью вечера.

Когда Владимир встал, чтобы уйти, он снова задержался у двери, чуть наклонил голову — этот его фирменный жест, который уже стал для Дарины почти родным.

— Не прощаюсь, — улыбнулся он.

— Я знаю, — улыбнулась в ответ Дарина. — И спасибо. За то, что не сказал: «Да забудь его». За то, что просто выслушал.

— *Всегда*, — просто сказал он и вышел, оставив после себя не только запах улицы, но и чувство, что её обиду не назвали глупостью, а приняли как что-то настоящее.

Закрыв дверь, Дарина постояла минуту, прислушиваясь к тишине. Потом прошла на кухню, убрала чашки, выключила свет и остановилась у окна. Город уже почти спал: фонари горели ровно, без суеты, машины проезжали редко, будто тоже не хотели нарушать эту ночную тишину.

Обида на Савелия всё ещё была где-то внутри, но теперь она не царапалась, а просто лежала, как старая записка, ко-

торуую давно пора перечитать и наконец убрать в дальний ящик. Дарина улыбнулась, подумав, что, может быть, именно в этом и есть взросление: не стереть обиду, а перестать позволять ей решать, как тебе жить.

Перед сном она ещё раз проверила телефон. От Алины пришло сообщение: *«Ты дома? Всё ок? Если что, я могу прямо сейчас приехать с мороженым и всем, что нужно»*. И следом: *«Но если ты просто хочешь спать — я поняла. Спокойной ночи, моя хорошая. Пусть тебе приснится что-то хорошее»*.

Дарина улыбнулась и написала: *«Всё отлично. Просто устала. Спокойной ночи. Пусть твой красавчик расскажет тебе какую-нибудь смешную историю»*.

Отложив телефон, она легла в кровать и закрыла глаза. И уснула с лёгкой улыбкой, чувствуя, что сегодняшний вечер не был про то, чтобы забыть прошлое. Он был про то, что можно про него рассказать — и не остаться одной.

Глава 5

Утро понедельника выдалось на удивление ясным — ни тяжёлых туч, ни моросящего дождя, только прохладное солнце и лёгкий ветерок, который будто специально дул так, чтобы бодрить. Дарина впервые решилась на пробежку: надела старые кроссовки, натянула худи с капюшоном и вышла из подъезда, чувствуя себя одновременно нелепой и смелой — как будто сама себе доказывала: «Я могу. Я просто беру и делаю». К тому же, Верочка Андреевна неожиданно дала еще один бонусный выходной.

Парк был почти пустым: пара собачников, старушка с палочкой, да одинокий бегун, который мчался так, будто от скорости зависела его жизнь. Дарина не пыталась никому ничего доказать — она просто бежала в своём темпе, прислушиваясь к дыханию, к шороху листьев под кроссовками, к тому, как с каждым шагом внутри становилось чуть свободнее.

И вот на повороте у старого дуба, там, где тропинка ныряла в тень, она резко затормозила. Прямо перед ней стоял Савелий. В той самой ветровке, которую он носил ещё в прошлом году, с тем же упрямым выражением лица, будто мир обязан был подстроиться под его настроение и рыжей копной волос.

Он замер, будто тоже не ожидал этой встречи, а потом его

лицо расплылось в той самой полуулыбке, от которой у Дарины раньше замирало сердце, а теперь просто становилось неприятно — как от старой, надоевшей шутки.

— Дарин? — он шагнул вперёд, будто хотел обнять, но вовремя спохватился и опустил руки. — Ты что тут... *бегаешь? Серьёзно?*

Дарина сглотнула, стараясь не выдать, как неприятно ей стоять вот так, лицом к лицу, когда между ними уже давно не было ничего общего. Но в то же время она поймала себя на мысли, что эта неловкость даже полезна: она напоминала, зачем она вообще начала бегать — чтобы чувствовать себя увереннее, а не прятаться от собственных эмоций.

— Серьёзно, — коротко ответила она, поправляя капюшон, будто он мог спрятать её от этого разговора. — У меня теперь утро начинается с пробежки. Надо было раньше начать.

Савелий хмыкнул, но в этом хмыканье не было веселья — скорее, какаято обиженная насмешка.

— Ну да. *Всё меняется.* То ты сериалы смотришь, то бегаешь. *А я вот всё тот же.*

Дарина не хотела спорить, не хотела ничего объяснять. Ей просто хотелось, чтобы он не сокращал эту дистанцию, не подходил ближе, не делал вид, что они всё ещё могут быть «как раньше». И в этот момент она вдруг поняла простую вещь: ей не нужно оправдываться за перемены. Это её жизнь, и она имеет право становиться другой.

— Рада за тебя, — она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой, как резинка, которую слишком сильно растянули. — Ладно, мне пора. Ещё круг надо добежать.

Она сделала шаг в сторону, чтобы обойти его, но Савелий будто нарочно чуть сдвинулся, перекрывая путь.

— Подожди. Чего ты торопишься? Мы сто лет не виделись. Расскажи хоть, как дела.

«Не сто лет, а месяц, — подумала Дарина, и внутри всё сжалось от этой привычной манеры Савелия делать вид, будто ничего не случилось, будто он не оставил её с ощущением, что с ней что-то не так». Но сейчас эта манера уже не ранила — скорее, вызывала лёгкое раздражение, смешанное с усталостью.

— Дела нормально, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Всё хорошо. Рада была повидаться, но правда, мне надо бежать.

Но Савелий не собирался её отпускать. В его взгляде мелькнуло что-то упрямое, почти злое.

— Знаешь, я до сих пор не понял, что тогда в парке произошло, — вдруг выпалил он, понизив голос, будто это была не претензия, а попытка разобраться. — Стою, разговариваю с Катей, а тут ты выходишь из беседки, и какой-то мужик хватает тебя и уводит. Прямо изпод носа. Ты даже не обернулась.

Дарина на секунду замерла, вспоминая тот день: как Владимир просто сказал: «Пойдём отсюда, тут тебе не нравит-

ся», и она пошла, потому что в тот момент это было самое правильное решение. И сейчас она не чувствовала ни вины, ни необходимости оправдываться.

— Это был Владимир, — спокойно сказала она, не собираясь оправдываться. — Он не уводил. Он просто помог уйти.

— Ага, — снова хмыкнул Савелий, и в этом «ага» было столько недоверия, что Дарине стало даже смешно. Горько, но смешно. — А я, значит, стоял тут, как дурак, и думал: что вообще происходит? А ты даже не посмотрела.

Она вдруг подумала: *«А ведь раньше я бы пыталась всё объяснить, расписать поминутно, лишь бы он понял и перестал смотреть так, будто я его предала».*

— Потому что смотреть было не на что, — тихо, но твёрдо сказала Дарина, и сама удивилась, как легко теперь давались эти слова. — Ты был с той девушкой. Я была... просто лишней деталью в этой сцене.

Савелий будто пропустил эти слова мимо ушей. Он шагнул ближе, сокращая дистанцию, и теперь смотрел на неё так, словно пытался вернуть что-то, чего уже не существовало.

— Слушай, может, мы просто всё усложнили тогда? — он попытался снова поймать её взгляд, сделать его своим, привычным, «нашим». — Давай сходим куданибудь. Просто поболтаем, без драм. Как раньше.

Дарина покачала головой, и в этот раз в её отказе не было

ни обиды, ни желания уколоть — просто спокойная уверенность.

— Не надо, Сава. Как раньше не будет. Я уже не та, кто ждёт, что ты вдруг заметишь, что мне плохо. И мне не хочется снова быть *«приставучей»*, потому что я просто хочу, чтобы меня слышали.

На секунду Савелий будто растерялся, будто эти слова ударили его не злостью, а правдой, к которой он не был готов. Но почти сразу его лицо снова стало упрямым, почти злым.

— *Ты всегда всё усложняешь*, — буркнул он, отводя взгляд и теребя край ветровки. — *Раньше всё было проще.*

— *Раньше* я просто молчала о том, что мне тяжело, — спокойно ответила Дарина, чувствуя, как внутри больше нет той острой обиды, которая раньше мешала дышать. — *А теперь не хочу.*

Она посмотрела на часы, будто проверяя время, хотя на самом деле ей просто нужно было на что-то опереться, чтобы не поддаться этому привычному чувству вины, которое Савелий так ловко умел вызывать.

— Мне правда пора, — сказала она, уже увереннее. — Хорошего дня, Сава.

И, не дожидаясь ответа, она развернулась и побежала прочь по тропинке, не оглядываясь. Ветер бил в лицо, кроссовки глухо стучали по асфальту, а с каждым шагом становилось всё легче — как будто она оставляла позади не просто бывшего парня, а целый кусок жизни, в котором ей при-

ходилось быть тише, незаметнее, подстраиваться под чужие правила.

Когда она добежала до скамейки у выхода из парка, то остановилась, оперлась ладонями о колени и глубоко вдохнула. Сердце колотилось, но теперь не от страха и не от обиды — а от того, что она смогла сказать *«нет»* и не почувствовать себя виноватой.

Телефон в кармане завибрировал. Дарина достала его, ожидая увидеть сообщение от Алины или Надюши, но на экране было: *«Как пробежка? Если ноги ещё ходят, можем взять по кофе у Верочки и просто посидеть. Без драм. С обычными булочками — никаких дынных чокопаев»*.

Дарина улыбнулась, впервые за всё утро понастоящему и даже не стала задумываться о том откуда он мог о пробежке узнать. Набрала быстро: *«Пробежка прошла успешно. Встречусь. И возьму самую обычную булочку. С корицей. И без историй про бывших»*.

Отправила, спрятала телефон и пошла вперёд — уже не бегом, а спокойным шагом, чувствуя, что понедельник, который начинался как очередное испытание, потихоньку становился просто днём. Обычным, хорошим днём, в котором можно было просто дышать, пить кофе и не оправдываться за то, что тебе нужно чуть больше, чем «и так нормально».

Аллея будто решила притвориться самой обычной: листья шелестели, голуби важно расхаживали по бордюру, а солнце светило ровно, без всякого пафоса. Но для Дарины этот

понедельник всё равно ощущался как что-то особенное — потому что рядом шёл Владимир, и не нужно было ни притворяться, ни подбирать слова.

— Знаешь, странно, — тихо сказала она, поправляя ремешок сумки. — Обычно по понедельникам я с утра уже в кафе у Верочки Андреевны: Алина орёт из подсобки: «Дарин, там эспresso опять убегает!», я пытаюсь одновременно протереть стойку и не уронить тарелку, а Верочка Андреевна ходит с папкой и смотрит так, будто знает, кто из нас сегодня опять забыл закрыть холодильник.

Владимир усмехнулся:

— И сегодня этого нет?

— Сегодня кафе закрыто на санитарный день, — Дарина развела руками, будто сама не верила в такое чудо. — Верочка Андреевна сказала: «Мне надо посидеть в тишине и посчитать, сколько раз я за месяц сказала не лей сироп на пол». Так что мы с Алиной официально в отпуске на один день.

— Значит, кофе берём в другом месте.

— Именно. И это, между прочим, целое приключение. Потому что в нашем районе есть только два места, где кофе не похож на воду из батареи. Одно — у метро, там бариста вечно спорит с кофемашиной, второе — в переулке, где вместо музыки включают старые выпуски подкастов про котов.

Они выбрали переулок. В крошечном кафе пахло корицей и чем-то уютным, вроде старых книг. Бариста, парень в футболке с надписью «Я не ворчливый, я сосредоточенный»,

молча кивнул, принял заказ и через пару минут протянул им два бумажных стаканчика.

— Держи, — Владимир протянул Дарине кофе, чуть наклонив стаканчик, чтобы она точно поймала. — Без дынного «чокопая», но с корицей.

— Уже лучше, — рассмеялась она.

Они вышли обратно на аллею, сели на скамейку в тени старого клёна и просто посидели минуту, слушая, как город шумит на своей обычной громкости.

И тут из-за поворота вылетел Димка. Не просто шёл, а именно летел — будто кто-то подкрутил ему скорость. За ним, чуть спокойнее, но не менее заметно, шла Надя. У неё в руках был бумажный пакет, из которого подозрительно выглядывал край круассана.

— А вот и они! — провозгласил Димка, будто открыл важную научную закономерность. — Я так и знал: если где-то есть кофе и Дарина, значит, надо срочно туда.

Надя закатила глаза, но улыбнулась:

— Он составил карту всех кофеен в радиусе трёх километров. Говорит, это «стратегия выживания».

— Это не стратегия, — возразил Димка, усаживаясь прямо на бордюр, будто скамейки были для слабаков. — Это забота. Кто-то должен знать, где в этом городе можно выпить нормальный кофе, пока Верочка Андреевна считает свои «не лей сироп» дни.

Дарина хихикнула:

— Сегодня у неё санитарный день. Так что мы с Алиной в легальном отпуске.

— О, легальный отпуск! — Димка поднял палец вверх, будто это был самый важный факт недели. — Значит, можно официально есть круассаны и не чувствовать вины. Надя, делись.

Надя молча протянула пакет. Димка вытащил круассан, откусил, зажмурился от удовольствия и выдохнул:

— Вот это я понимаю. Жизнь налаживается.

Потом он вдруг замер, посмотрел на Дарину, потом на Владимира, потом снова на Дарину — и его лицо стало подозрительно серьёзным. Настолько серьёзным, что это сразу выглядело подозрительно.

— Слушай, а ты ведь сегодня не в кафе, — протянул он, будто делал важное открытие. — То есть у тебя есть целый день, когда ты не должна никому говорить: «С вас двести рублей» и «А кто разлил сироп?».

— Есть, — подтвердила Дарина, чуть прищурившись. — И я планирую провести его максимально бесполезно. Посидеть, поболтать, может, даже почитать что-нибудь, где ничего не взрывается.

Димка театрально вздохнул:

— Бесполезно — это скучно. Надо, чтобы день был... значимым. С круассаном, но со смыслом.

Надя тихо шепнула Дарине, будто они были сообщницами:

— У него в голове всегда должен быть смысл. Даже если смысл — это «посмотреть, как голубь пытается открыть крышку мусорного бака».

— Я всё слышу! — не оборачиваясь, буркнул Димка.

— Мы и не скрываем, — спокойно ответила Надя, садясь рядом с Дариной на скамейку и протягивая ей круассан. — Держи. Это не утешение, это просто вкусно.

Дарина взяла круассан, улыбнулась и вдруг поняла, что ей действительно не хочется ни про драмы, ни про прошлое. Хочется вот этого: солнца на коленях, бумажного стаканчика в руке, Нади рядом, Димки, который вечно всё усложняет, и Владимира, который просто сидит и не торопит.

— Ладно, — сказала она, чуть понизив голос, будто боялась спугнуть этот спокойный момент. — Пусть будет день без смысла. Просто хороший.

Димка тут же выпрямился:

— Нет, так не пойдёт. День без смысла — это как кофе без кофеина. Вроде то же самое, но внутри пустота. У меня есть идея! Фестиваль! Спорт, палатки, волейбол, фудкорт...

Надя мягко, но твёрдо положила ладонь ему на плечо:

— Дим, она сказала «просто хороший день». Без планов. Без списков. Без «я всё организую».

Он на секунду надулся, потом вздохнул, потом хитро прищурился:

— Хорошо. Тогда пусть будет просто хороший день. Но с условием: если вдруг тебе захочется, чтобы он стал хорошим

и с планом — я тут.

— Договорились, — рассмеялась Дарина. — Сегодня без планов. А на фестиваль... может, и правда съездим. Но не сегодня.

— Мне нравится. Сегодня — просто кофе, круассан и тишина. А планы — потом, — Владимир чуть наклонил голову, будто оценивал эту идею, и вдруг добавил с лёгкой улыбкой: — Хотя, если честно, волейбол я бы не пропустил. У меня в юности был титул *«Лучший подающий в третьем дворе»*. Правда, титул был самопровозглашённым, но вера в него была искренней.

Дарина рассмеялась: — Самопровозглашённый титул — это тоже достижение. Значит, ты верил в себя, а это уже половина успеха.

— Вторая половина — это когда кто-то ещё в тебя верит, — тихо сказал Владимир, чуть наклоняясь к ней.

На мгновение между ними повисла тишина, но не неловкая, а такая, в которой слова были не нужны. И тут Димка, словно почувствовав, что момент становится слишком серьёзным, громко и нарочито бодро заявил:

— Так, если мы едем на фестиваль, надо сразу решить главный вопрос: кто берёт на себя ответственность за термо-сумку с бутербродами? Я могу, но предупреждаю: мой выбор бутербродов непредсказуем. В прошлый раз я взял с собой бутерброд с бананом и сыром.

— В прошлый раз мы его так и не попробовали. - закатила

глаза Надя.

— Потому что никто не решился! — возразил Димка с обидой.

Все рассмеялись, и напряжение, едва успевшее появиться, растворилось в этом смехе.

Когда кофе закончился, а круассан исчез, Дарина почувствовала, что день действительно получился хорошим. Не из-за чего-то большого, а из-за этих маленьких вещей: из-за того, что можно сидеть на скамейке, смеяться над глупостями и знать, что рядом люди, которым не нужно объяснять, почему сегодня тебе не хочется быть сильной.

— Ну что, дальше по аллее? — спросил Владимир, поднимаясь и чуть протягивая руку, чтобы помочь ей встать.

— По аллее, — кивнула Дарина, вкладывая свою ладонь в его.

Димка и Надя пошли рядом: он тихо, почти шёпотом, комментировал всё вокруг («Смотри, вон тот куст явно что-то скрывает»), а Надя время от времени мягко тыкала его локтем, чтобы он не слишком увлекался.

А Дарина шла и думала, что иногда самое правильное приключение — это просто день, когда кафе закрыто, кофе — не в привычной чашке, а в бумажном стаканчике, а рядом — те, кто не ждёт от тебя подвигов, а просто рады, что ты с ними.

Город шумел где-то на фоне — машины, голоса, далёкий сигнал светофора, — но для Дарины всё это вдруг стало про-

сто белым шумом, неважным и далёким. Она достала телефон, чтобы глянуть время, но экран будто нарочно завис, а пальцы вдруг стали неловкими, непослушными.

Владимир наклонился чуть ближе, почти касаясь её плеча, и тихо, с лёгкой усмешкой сказал:

— Давай я гляну... Тут, кажется, просто надо...

Она резко повернула голову — и их губы соприкоснулись. На секунду Дарину прошибло не током, а *настоящей горячей волной*, которая смыла разом все сомнения. Мир сжался до этой точки, где было только тепло, только дыхание, только он. И в этот миг она не думала ни о прошлом, ни о будущем, ни о том, правильно ли это. Она просто чувствовала: это сейчас, это настоящее, и этого достаточно.

А потом Владимир решительно, но бережно *взял всё в свои руки*. Его ладонь легла ей на затылок — не грубо, а так, чтобы она почувствовала: он держит, он рядом, и падать не придётся. Он чуть притянул её ближе, углубляя поцелуй, и в этом движении было столько уверенности, что Дарина вдруг перестала цепляться за осторожность. Она выдохнула, растворяясь в этом мгновении, и её руки сами собой легли ему на плечи, будто наконец-то нашли, за что держаться.

Гдето впереди слышалось громкое, подбадривающее посвистывание. Димка. Надя тут же шикнула на него, закрыла ему рот обеими ладонями и, судя по всему, ещё и прижала его голову к своему плечу. Сквозь пальцы у неё прорывалось: «Прости! Прости! Я его сейчас убью!» — но в голосе

слышалась улыбка.

Владимир первым чуть отстранился — не резко, а так, чтобы Дарина успела почувствовать, что он никуда не исчезает. Он посмотрел на неё, и в его взгляде не было ни суеты, ни неловкости, только спокойная уверенность.

Дарина выдохнула и тут же хихикнула — тихо, в себя, будто сама не верила, что это случилось. Щёки горели, а на губах всё ещё оставалось это странное, почти щекочущее послевкусие.

Глава 6

Димка вынырнул из каких-то кустов и весело рассмеялся:

— Ребят, я там своих бывших подопечных по сплаву на рафтингах встретил. Вот такие ребята! Сами из Грузии!

Надюша нахмурила брови и цокнула языком:

— И чего? Вот ты так всегда! Чтоб сказать какую то короткую информацию, тебе всегда нужно её обвернуть в длинную историю! Короче то никак?

Парень изобразил в сторону своей девушки «блаблабла», закатил глаза, будто его несправедливо притесняют, и повернулся к нам с Владимиром:

— Короче! Грузины зовут дегустировать национальное достояние — чачу. Погнали!

— Дим, ну ты даёшь, — пробормотала Надя, но в голосе не было настоящей злости, только привычная усталость от его бесконечной энергии. — Мы вообще-то на спорт-фестиваль пришли, а не на дегустацию.

— А чача — это тоже про выносливость! — парировал Димка, размахивая руками, как будто доказывал судьям на Олимпиаде. — Кто дольше всех выдержит тосты — тот и чемпион!

Владимир хмыкнул, покосился на Дарину и тихо шепнул:

— Если не пойдём, он нас тут до вечера уговаривать будет. Может, по одной рюмочке — и сразу к волейбольной

площадке?

Дарина на секунду задумалась. Она всегда считала алкоголь очень плохой «зависимостью» и старалась сторониться его всеми силами. Но сегодня, в такой прекрасный солнечный денёк, захотелось слегка расслабиться и поддержать друзей. Тем более, зная их Димку — нужно держать ухо востро. Иначе придётся потом полночи разыскивать чересчур общительного и падкого на тосты товарища.

— Ладно, — кивнула она, стараясь не выдать, как непривычно ей это решение. — По одной. Но сразу после — волейбол. Или хотя бы кукуруза.

Подгоняемые шустрым Димкой, они на буксире притаранили Надю к палаткам «иностранных гостей». Здесь было довольно весело и шумно: кто-то хохотал, кто-то хлопал по плечам, а бородатый грузин в клетчатой рубашке поднимал глиняный кувшин и провозглашал очередной тост так, будто от этого зависела судьба мира.

Не заметив, как у неё в руках оказалась походная рюмка из алюминия, до краёв наполненная «прогревающим» напитком, Дарина удивлённо округлила глаза на развеселившегося Владимира. Мужчина не пропускал ни одного тоста громкого грузина, отвечал с таким серьёзным видом, будто это была дипломатическая миссия.

Ей тоже пришлось в какой-то момент «замахнуть» наконец рюмку и шокировано глотать после воздух, чувствуя, как по горлу прокатывается огненная волна, а в носу щекочет

пряный аромат.

— Ну как?! — воскликнул Димка, сияя, будто это он лично вырастил виноград и перегнал чачу.

— Как... горячо, — просипела Дарина, пытаясь не закашляться, и тут же схватила стаканчик с лимонадом, который Надя молча сунула ей в руку.

Надя покачала головой, но уголки губ у неё всё таки подрагивали:

— Я же говорила: с ним нельзя расслабляться ни на секунду.

Фестиваль и правда оказался самым весёлым событием в её скучноватом и унылом времяпровождении. Работа и учёба и так уже сидели в печёнках, а тоскливость по родителям с каждым днём набирала обороты. Дарина понимала, что родителям нужно налаживать свою личную жизнь, и не хотела мешать, тем более грузить их своими «приключениями». Но сегодня ей вдруг стало легче: будто этот шум, эти люди, этот нелепый тост про «дружбу без границ» потихоньку смывали ту тяжесть, которую она таскала с собой.

Толпы людей громко поддерживали местные футбольные команды, соревнующиеся за фестивальный кубок: крики, свистки, хлопки сливались в один сплошной гул, в котором терялись все лишние мысли. Девчонки-волейболистки взяли таймаут на «перекур», сидели на траве, обмахивались кепками и смеялись так громко, что было слышно даже у палаток с чачей.

На каждом углу то тут, то там зазывали покупать горячую кукурузу и карамельные яблочки. У ларьков с яблочками кружили, в основном, «толпы» любопытных и падких на сахар пчёл — туда, собственно, они и не совали свои носы. Но пройти мимо впечатляющего запахом солёной кукурузки не могли.

— Всё, хватит тостов, — решительно сказала Надя, перехватывая очередной кувшин, пока Димка не придумал новый повод для праздника. — Теперь кукуруза. И желательно без алкоголя.

Димка театрально вздохнул, прижал руку к сердцу и произнёс:

— Ты разбиваешь мне сердце. Но ладно. Кукуруза так кукуруза. Но я хочу самую большую. С двойной солью.

Они взяли по початку, отошли чуть в сторону, подальше от шумных палаток, и сели прямо на траву, под раскидистым деревом, где тень была прохладнее, а гомон фестиваля звучал уже не оглушающе, а уютно, как фоновый шум.

Дарина откусила кусочек горячей кукурузы, почувствовала, как соль приятно щиплет язык, и вдруг рассмеялась:

— Знаете, это, наверное, самый странный спорт-фестиваль в истории. Сначала пробежка, потом чача, теперь кукуруза...

Владимир улыбнулся, глядя на неё:

— Зато запоминающийся.

— Это точно, — пробурчала Надя, но тоже улыбалась, по-

глядывая на Димку, который уже договаривался с каким то парнем о том, чтобы сыграть в мини-футбол.

Дарина откинулась назад, оперлась на локти, подняла лицо к солнцу и глубоко вдохнула. В этот момент ей вдруг показалось, что всё правильно: и этот день, и эти люди рядом, и даже эта нелепая кукуруза. Она не думала о том, что будет завтра, не переживала, что родители далеко, не вспоминала Савелия. Просто сидела, жевала, слушала, как Димка кричит: «Пас! Пас!», и чувствовала, как внутри потихоньку становится тише и светлее.

Я сидела, жевала кукурузу и думала, что день наконец то стал просто хорошим — без драм, без лишних смыслов, без необходимости всё время быть начеку. И тут, совсем не ожидая, я увидела направляющегося к нам Руслана.

Он шёл так, будто специально выбирал самый заметный маршрут: чуть шире шаг, плечи чуть расправлены, улыбка — не просто приветливая, а такая, будто он уже заранее гордится тем, как сейчас всё «правильно» скажет. А я в этот момент почувствовала, как внутри всё слегка сжалось — не от радости, а от тяжести, которую я уже столько раз проживала: *вот сейчас начнётся.*

Руслан ещё совсем недавно признавался мне в любви — буквально через пару дней после того, как стало известно, что мы с Савелием расстались. Тогда это казалось даже трогательным: будто он хотел быть тем, кто меня «спасёт». Но сейчас, глядя, как он подходит, я вдруг поняла, что не хочу

быть ничьей спасаемой. Хочу просто сидеть на траве, есть кукурузу и не думать, кому из парней я что то должна своим вниманием.

— Дарин! — он подошёл, наклонился, будто хотел обнять, но в последний момент передумал и просто хлопнул Димку по плечу, будто они только вчера вместе списывали физику. — Ну вы тут устроились! А я смотрю — все в сборе. *Почти*. Димка тут же оживился:

— Руслан! Ты как раз вовремя! Тут спор: кто круче — волейбол или мини-футбол. Ты за кого?

Но Руслан будто не слышал. Он смотрел на меня, и в его взгляде было столько ожидания, что мне даже неловко стало.

— Ты как? — спросил он, присаживаясь рядом со мной так близко, что я невольно чуть отодвинулась, делая вид, что просто хочу освободить место для Нади. — Давно не виделись. Всё бегаешь?

Я улыбнулась, но улыбка получилась натянутой:

— Бегаю. И ем кукурузу. И вообще стараюсь сегодня ничего не усложнять.

Владимир, который до этого спокойно слушал, вдруг чуть наклонил голову и спокойно сказал:

— Ей сегодня хочется просто тишины и кукурузы.

Руслан на секунду замер, будто эти слова его слегка заделли, а потом хмыкнул:

— Ну, тишина — это скучно. Ей нужно движение. Помнишь, Дарин, как мы в школе на турслёты ездили? Вот это

был драйв!

Я кивнула, стараясь не выдать, как меня напрягает это соревнование, которое началось буквально за три секунды:

— Помню. Но сейчас мне хватает и кукурузы.

И тут началось то, что я про себя тут же назвала «петушиными боями». Руслан и Владимир, сами того не замечая (или замечая, но не признаваясь даже себе), принялись, как два петуха на одном дворе, доказывать друг другу, кто лучше знает, что нужно девушке.

— Знаешь, ей полезно двигаться, — заявил Руслан, будто я была не человеком, а проектом, который надо грамотно развивать. — Прогулки, походы, сплавы... Это всё про неё.

Владимир спокойно откусил кусочек кукурузы, посмотрел на Руслана и так же спокойно ответил:

— А ей полезно иногда просто сидеть и не думать ни о чём. Без планов, без списков дел, без «это полезно».

Руслан чуть нахмурился, будто ему не понравилось, что его так легко опровергли:

— Ну, это тоже можно. Но баланс нужен.

— Баланс — это когда ты делаешь то, что хочется прямо сейчас, — спокойно парировал Владимир.

Я сидела и чувствовала, как у меня начинает подрагивать уголок рта — то ли от желания рассмеяться над этой нелепой серьёзностью, то ли от желания просто встать и уйти куданибудь, где нет этого мужского соревнования за моё внимание.

Надя, кажется, тоже всё поняла. Она тихонько подтолкнула меня локтем и прошептала:

— Держись. Сейчас они ещё начнут спорить, какой чай тебе полезнее.

Я хихикнула, но тут же прикрыла рот ладонью, чтобы не обидеть Руслана. А Димка, как всегда, не видел никакой неловкости — он радостно хлопал в ладоши:

— О, классно! Руслан с нами! Значит, точно победим!

Мы отошли к палатке с карамельными яблоками, и Надя, едва мы оказались вне зоны слышимости парней, тут же зашептала, чуть ли не подталкивая меня локтем:

— Дарин, ну ты посмотри на них! Руслан всё про «движение», будто ты на какой то олимпиаде по выживанию. А Володя... Володя просто видит, когда тебе хочется тишины. И не лезет с планами.

Я хихикнула, но тут же притихла — не хотелось, чтобы это прозвучало как пренебрежение к Руслану:

— Ну, он ведь искренне старается. Просто... слишком старается.

— Именно! — подхватила Надя, размахивая яблоком, будто это был аргумент, который всё объясняет. — Слишком. А Володя не старается. Он просто есть. Спокойный, надёжный... ну прям *мужчина*, а не мальчик, который хочет всем доказать, что он крутой.

Я закатила глаза, но не смогла сдержать улыбку:

— Ты так говоришь, будто собираешься ему медаль вручить.

— А надо бы! — Надя понизила голос до заговорщицкого шёпота. — Вот смотри. Руслан сейчас наверняка опять начнёт что то предлагать. А Володя просто сядет рядом и не будет тебя дёргать. Это и есть взрослость.

Мы вернулись к ребятам, и, как Надя и предсказывала, Руслан тут же вскочил, будто ждал этого момента:

— Дарин, тут неподалёку есть трасса для роллеров! Давай сгоняем, я тебе покажу пару трюков!

Я уже открыла рот, чтобы мягко отказаться, но Владимир опередил меня. Не резко, не перебивая, а так, будто просто вставлял спокойную ноту в слишком громкую мелодию:

— Ей сегодня не надо трюков. Ей надо, чтобы день был простым.

Руслан нахмурился, будто эти слова его задели:

— Да ладно, что тут такого? Просто прокатимся.

Владимир чуть наклонил голову, посмотрел на него спокойно, без вызова, но так, что спорить сразу расхотелось:

— Просто — это без прокатов.

Надя, не удержавшись, тихонько пробормотала мне на ухо:

— Вот видишь? Он не спорит, не давит, не пытается перекричать. Просто ставит границу — и делает это так, что даже Руслан не может сказать, что его унизили. Это и есть настоящий мужчина.

Я покосилась на неё и прошептала в ответ:

— Ты прямо как рекламный буклет читаешь.

— Потому что это правда! — шепнула она, сияя. — Ну скажи, разве не чувствуешь разницу?

И я вдруг поняла, что чувствую. Руслан будто всё время хотел что то доказать — себе, мне, всему миру. А Владимир... он ничего не доказывал. Он просто был рядом, спокойный, уверенный, и в этом спокойствии мне становилось легче дышать.

Димка, ничего не замечая, радостно хлопнул в ладоши:

— Так, раз роллеров нет, тогда идём на волейбол! Я собрал команду: я, Руслан, Володя и... ну, кто то ещё. Дарин, ты будешь болеть!

— Буду, — улыбнулась я, и на этот раз улыбка была не натянутой, а настоящей. — Но с безопасного расстояния.

Пока парни уходили к волейбольной площадке, Надя снова придвинулась ко мне и тихо, но очень уверенно сказала:

— Знаешь, иногда кажется, что нам всем нужны вот эти яркие жесты: «Я тебя спасу!», «Я покажу тебе мир!», «Смотри, какой я крутой!». А потом понимаешь, что самое ценное — это когда кто то просто садится рядом и говорит: «Если хочешь, мы никуда не пойдём. Можем просто сидеть и есть яблоки». Вот это и есть тот самый «мужчина, ну ух».

Я рассмеялась, чувствуя, как внутри становится теплее:

— Ладно, ладно, я поняла. Ты его фанат.

— Я не фанат, — серьёзно ответила Надя, но глаза у неё

смеялись. — Я просто умею видеть, когда человеку реально хорошо. А тебе с ним хорошо. Это заметно.

Мы устроились на скамейке неподалёку от площадки, где парни уже спорили, кто будет подавать первым. Димка махал руками, Руслан что то горячо доказывал, а Владимир стоял чуть в стороне, спокойно поправлял футболку и будто вообще не собирался никому ничего доказывать.

— Смотри, — снова зашептала Надя, кивая в его сторону. — Даже сейчас. Они все кричат, а он просто ждёт. И знаешь, что в этом самое крутое? Он не ждёт, чтобы выиграть спор. Он ждёт, чтобы всё было нормально. Для всех.

Я не стала спорить. Просто смотрела, как Владимир кивнул Димке, потом чуть улыбнулся Руслану — не победно, а по человечески. И в этот момент я вдруг почувствовала, что мне не нужно выбирать, не нужно никого жалеть, никого отталкивать. Мне просто нужно было это спокойствие рядом.

Когда игра началась, крики стали громче, смех — звонче, а я сидела, жевала карамельное яблоко и думала, что Надя, пожалуй, права. Иногда *«тот самый»* — это не тот, кто громче всех кричит о своих чувствах, а тот, кто тихо садится рядом и не требует от тебя быть кем то другим.

Пока парни играли в волейбол, я сидела рядом с Надей, жевала карамельное яблоко и думала, что день наконец то выровнялся. Шум, смех, лёгкий ветерок — и никакого напряжения. Надя время от времени кивала в сторону Владимира и шептала что то вроде: «Ну вот, видишь? Спокойный,

уверенный... *настоящий мужчина*», а я только улыбалась и не спорила: в этот раз её восторженность даже грела.

И тут из толпы вынырнул Савелий. В той самой ветровке, с тем же упрямым взглядом, будто весь мир ему что то задолжал. Рядом с ним шла Катя — яркая блондинка с такой хищной улыбочкой, от которой у меня сразу мурашки по коже побежали.

— О, вот вы где! — громко провозгласил Савелий, будто мы были не на фестивале, а на его личном приёме. — А мы с Катей тут гуляли, смотрим — знакомые лица.

Руслан, который до этого ещё пытался как то держаться поближе ко мне, вдруг будто сдулся. Он покосился на Савелия, потом на Владимира, и как то сразу стал тише, будто понял, что тут сейчас начнётся совсем другая игра.

Катя тут же подсела к нам, ловко втиснувшись между мной и Надей, и тут же защебетала:

— Какой у вас тут уютный кружок! А что обсуждаем? Секреты? Или, может, про бывших?

— Обсуждаем, где взять ещё одно яблоко. Без пчёл. - Надя мгновенно подобралась, будто кошка, почуявшая собаку.

— Ой, да ладно тебе, — хихикнула Катя, но в этом хихиканье не было веселья, только змеиная хитрость. — Просто интересно, как тут Дарина устроилась. Столько событий... *То Савелий, то... другие.*

Я почувствовала, как внутри всё напряглось. Хотелось просто сказать: *«Мне не хочется это обсуждать»*, но слова

будто застряли в горле.

Зато Надя не растерялась:

— Слушай, Катя, если тебе скучно — иди на волейбол. Там как раз парни играют. Или вон на кукурузу посмотри. А Дарина не выставка, чтобы её разглядывать.

Катя прищурилась, будто оценивая, стоит ли продолжать эту игру, но тут же перевела взгляд на Савелия и сладко пропела:

— Савочка, ты же будешь самым лучшим! Я тут посижу, поболею за тебя!

Савелий лишь хмыкнул, не сводя глаз с площадки, где как раз стоял Владимир. И тут началось то, чего я боялась - Савелий начал срывать злость именно на нём.

— Эй, а ты чего тут подаёшь, будто ты профи? — бросил он Владимиру, нарочно громко, чтобы все слышали. — Это любительский турнир, а не Лига чемпионов.

Владимир даже бровью не повёл. Спокойно принял мяч, чуть улыбнулся и ответил:

— Ну, если ты хочешь, могу специально промазать. Чтобы тебе спокойнее было.

Савелий побагровел:

— Да мне не спокойнее надо, мне честно надо! Тут не цирк!

— Тогда давай честно, — всё так же спокойно ответил Владимир, будто они обсуждали погоду, а не ссорились. — Играем, считаем очки.

Это спокойствие, кажется, бесило Савелия ещё сильнее. Он начал подавать резче, кричать на Димку и Руслана, будто они были виноваты в том, что мяч улетает не туда. А Владимир только пожимал плечами, принимал подачу, спокойно отбивал и будто специально делал всё так ровно, так невозможно, что Сава буквально кипел от злости.

Тем временем Катя не теряла времени. Она наклонилась ко мне и тихо, почти ласково, но с такой язвительностью, что мурашки бежали по коже, сказала:

— Знаешь, мы с Савой, кажется, серьёзно всё строим. Вчера на набережной вообще не могли друг от друга оторваться. Целовались весь вечер... Ну, ты понимаешь.

Я сжала пальцы в кулаки, чтобы не выдать, как неприятно мне это слышать. Не потому что я всё ещё любила Савелия — нет. А потому что это было сделано специально, чтобы уколоть, чтобы показать: *«Он теперь мой, а ты — прошлое»*.

Но Надя не дала ей закончить:

— Катя, знаешь, есть такая штука — ТАКТИЧНОСТЬ. Попробуй какнибудь. Очень помогает не выглядеть так, будто ты из кожи вон лезешь, чтобы кого то задеть.

Катя фыркнула, но тут же натянула на лицо сладкую улыбку:

— Да я просто делюсь! Мы же почти подруги.

— Не почти, — спокойно отрезала Надя.

В этот момент Савелий вдруг резко бросил мяч на площадку, подошёл ко мне и махнул рукой в сторону, подальше

от всех:

— Пойдём, поговорим. Наедине. Тут какие то драмы, а мне надо нормально сказать, что думаю.

Я хотела отказаться, хотела остаться здесь, под защитой Нади, рядом с этим спокойным шумом фестиваля. Но Савелий смотрел так, будто если я не пойду, это будет означать что то большее, чем просто отказ от разговора.

— Ладно, — тихо сказала я, вставая и стараясь, чтобы голос не дрожал. — Пару минут.

Мы отошли к краю площадки, туда, где шум был чуть тише, но всё равно где то рядом смеялись, кричали, играла музыка. Савелий остановился, повернулся ко мне и вдруг резко притянул к себе, будто хотел поцеловать, вернуть что то, что давно рассыпалось.

Я резко отшатнулась, чуть не споткнувшись о корягу:

— Не надо, Сава. Не надо этого делать. Ничего не надо возвращать.

— Почему?! — рывкнул он, и в этом крике было столько злости, столько обиды, что мне стало по настоящему не по себе. — Потому что у тебя теперь кто то есть?! Потому что ты с ним?!

— Потому что мы с тобой уже не те люди, которые могут вот так просто вернуться назад, — тихо, но твёрдо сказала я. — И потому что ты сейчас с Катей. Ты сам выбрал.

Он хотел что то ещё сказать, снова шагнуть ко мне, но я покачала головой:

— Я устала. Устала от этих разговоров, от этих выяснений, от того, что каждый раз мне приходится объяснять, почему я не хочу быть там, где мне плохо.

Я развернулась и пошла прочь, не оглядываясь. Ноги сами несли меня к дороге, туда, где мелькали машины, где можно было просто поймать попутку и уехать в город, где будет тихо, где не будет ни Савелия, ни Кати, ни этих бесконечных драм.

Когда я обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на площадку, я увидела, как Надя и Димка подошли к Владимиру, как они втроём стояли и смотрели мне вслед. Владимир чуть кивнул, будто говоря: «Я понимаю», и мне от этого стало чуть легче.

А Савелий тем временем уже кричал на Катю:

— Ты зачем вообще сюда притащилась?! Зачем ты всё это говорила?!

— Да я просто хотела...

— Просто хотела?! — перебил он, голос звенел от злости.

— Ты только и умеешь, что усложнять! Иди куданибудь, я не хочу тебя видеть!

Катя побледнела, будто её ударили, развернулась и быстро пошла прочь, пряча лицо в воротник куртки.

Савелий ещё постоял, пнул пустую банку, выругался себе под нос и ушёл в другую сторону, растворяясь в толпе.

Фестиваль продолжал шуметь, смеяться, жить своей жизнью. Но для меня этот день закончился. Я поймала попутку,

села на заднее сиденье и закрыла глаза, чувствуя, как с каждым километром, с каждой минутой напряжение потихоньку отпускает.

Чуть позже Надя, Димка и Владимир уехали на машине Владимира. Надя потом написала мне: *«Ты как? Если хочешь, можем просто посидеть, попить чаю и вообще ничего не обсуждать. Или вообще не писать. Я тут»*.

Я ответила: *«Спасибо. Сейчас просто хочу тишины»*.

И, лёжа на кровати, слушая, как за окном шумит город, я вдруг поняла: тяжёлый день закончился. И пусть он был полон неприятных сцен, но он ещё и показал мне одну важную вещь — я больше не обязана оправдываться, не обязана выбирать между чужими обидами и своими чувствами. И рядом есть люди, которые это понимают.

Глава 7

Целую неделю я была практически «на дне». Не разговаривала ни с кем из «тестостероновой тройки» — Савелием, Русланом и даже с Владимиром, хотя от последнего почему то было особенно горько не слышать ни слова. Единственной связующей нитью оставалась Надюша. Подруга как раз таки мне и докладывала, что происходит на поле боя: Савелий то ссорился с Катей, то снова с ней мирился; Руслан пытался всем доказать, что он «всё понял» и «больше не лезет не в своё дело», а Владимир... про Владимира Надя говорила коротко: «Он просто держится ровно. Ни драмы, ни пафоса».

Я безусловно повела себя как маленькая испуганная девочка, которая не знает, чего она сама хочет. В одном углу — бывший парень, Солнцев Савелий, который был последним, чего мне хотелось. Во втором углу — внезапно вспыхнувший любовью ко мне парень из френдзоны, Руслан. Ну и зафиналим это адекватным и опытным мужчиной, Владимиром.

Пора расставить все точки над *i*, время выписывать все «за» и «против». Я вырвала листок из блокнота и расчертила его на три столбца. В заголовках каждого я поставила инициалами: «С.С.», «Р.» и «В.Ч.». Мысли будто специально решили устроить вечеринку и прыгали туда-сюда, как дети на батуте: то я вспоминала, как Савелий в седьмом классе принёс мне пакет мандаринов, потому что я простудилась, то

вдруг перед глазами вставал Руслан, который вечно забывал, что я не люблю острое, и всё равно подсовывал мне чипсы с перцем чили, то всплывало, как Владимир молча накинул мне свою куртку, когда вечером стало холодно, и даже не стал делать из этого подвиг.

«Сосредоточься, Ди!» — рывкнула я сама на себя, будто была собственным строгим куратором.

Так, Солнце Савелий. Бывший парень. Частичка моего местами радостного, но и грустного прошлого. Мы встречались со средней школы, как только познакомились. То расходились, то сходились. Это было как море — то шторм, то спокойствие. И будто бы не хватало какой то душевной радости и теплоты. Будто мы выжили из этих отношений всё, что смогли. Поначалу мне казалось, что я не смогу и дышать без него. В первый день я даже не понимала, куда мне идти и что делать. Спасибо Алине с Верочкой Андреевной и Надюше — они мои три столба спокойствия и терпения. Сейчас могу с лёгкостью сказать, что я отпустила его не только на словах, но и в сердце.

Руслан. Неудавшаяся попытка стать из друзей в возлюбленных. Всё таки я придерживаюсь того, что из нас с Русланом лучше друзья, чем что то непонятное и не совсем искреннее. А идти на поводу «а что если» и гормонов в придачу как то не хотелось. Он замечательный друг, и с ним, безусловно, весело. Но я не могла представить с ним свои вечера и утра. Тем более в обнимку, и не то что в одной постели,

но даже в квартире. Мне хотелось не просто «чтобы было с кем смотреть сериалы», а чтобы рядом был тот, с кем эти сериалы будут ощущаться как часть чего то общего, а не как способ убить время.

Владимир Черешко. Тёмная лошадка в этой любовной тройке. От него так и веяло чем то загадочным и подцепляющим мой не скрытый интерес. Взрослый, опытный и знающий себе цену мужчина. Наверняка Владимир умеет добиваться девушек, и у него их было немало. Тем более эта история с его бывшей-спортсменкой невыносимо цепляла мой любопытный нос. Но именно это и пугало: а вдруг я для него — очередной эпизод, который закончится так же спокойно, как и начался? И тут же другая мысль: а вдруг именно в этом и есть его сила — он не обещает золотых гор, не кричит о чувствах, а просто делает так, что рядом с ним становится легче.

В конце каждого столбика я поставила несколько плюси-ков: Савелию — плюс от моей мамы, она надоедливой мухой над моими ушами всегда жужжала, что Савелий — это сокровище этого мира; Руслану — плюс от Алиночки Шефнер, хотя мне кажется, что её интерес больше не к нам как к паре, а к Руслану как к мужчине; и Владимиру... три плюса — от Верочки Андреевны, Надюши и Димки, хотя от Димки я бы их не ставила, так как больше смахивает на родственную протекцию.

Засунув листок обратно в блокнот, я положила его на под-

оконник рядом с «последним из выживших» кактусом — тем самым, который пережил и мои слёзы, и мои внезапные приступы оптимизма, и даже один случайный пролив воды, когда я пыталась его «подбодрить» поливом. Душа требовала перезагрузки. А кто я такая, чтобы перечить своей душе?

Включив бодрящую подборку музыки на аудиоколонке — такой, где бас пробивает до самых пяток и не даёт спрятаться в уныние, — я набрала маленький тазик воды и достала из упаковки многоразовую тряпку для влажной уборки. План был такой: убрать все книги со стеллажа на пол и промыть всё до блеска. Любимые книжки всегда радовали глаз и воодушевляли меня на новый день. И уборка была как нельзя кстати, ведь уже пару дней на пункте выдачи заказов меня ожидала радующая сердечко коробка с новыми книжками, на которую я потратила практически всю зарплату за месяц работы в кафе. Да, уже месяц как я работаю в неожиданно замечательном месте с Верочкой Андреевной и Алиной. Девушки стали мне как родные, и им хотелось открываться всё с новой и новой стороны. Тем более их так веселили мои «приключения» — Алина вообще каждый раз смеялась до слёз, когда я рассказывала, как пытаюсь «всё разложить по полочкам», а Верочка Андреевна только качала головой и говорила: «Жизнь не раскладывается по полочкам, деточка. Она стелется, как дорожка. Где то ровно, где то с ямами».

Когда полки стали настолько чистыми, что под лучами дневного солнца играли блеском, я смогла вздохнуть пол-

ной грудью. Будто целый кирпич свалился с плеч. Реальность медленно возвращалась в мои мысли настолько лениво, что я ещё минуту таращилась в стену, сидя на кровати. Орнамент обоев складывался в замысловатые фигуры, а руки сами собой перебирали края футболки, будто пытались найти в этой простой ткани какой то ответ.

Глубоко внутри себя я понимала, почему всё-таки не могу «уйти в омут с головой». Владимир казался слишком холодным и спокойным. Не это ли мне и не нравилось? Когда всё ровно. Без сучка, без задоринки. Будто он заранее расставил все стулья по местам и знает, где будет стоять чашка завтра утром. Сейчас Владимир всё больше напоминал версию Савелия, только постарше. У Савелия была буря — громкие ссоры, такие же громкие примирения, вечные качели: то «ты для меня всё», то «мне надо побыть одному». А у Владимира — тишина. И эта тишина вдруг начала казаться мне не покоем, а стеной.

Да, он спокойный и как будто бы надёжный. Но если я и правда ему нравилась, то мог бы как-то дать это понять? Не считая того поцелуя — он был как вспышка, яркая, сбивающая с ног, а потом снова эта ровная, невозмутимая тишина. Не было ни ухаживаний, ни каких-то очень значимых для таких фантазёрок, как я, действий. Никаких «я проехал через весь город, потому что подумал, что ты любишь эти цветы», никаких «я тут, даже если ты не просишь». Он как будто давно всё понял и просто ждёт, когда я сама приду в

его логово. А мне не хотелось, чтобы всё было так просто. Точно нет.

Я встала, прошла по комнате, остановилась у окна. Кактус на подоконнике смотрел на меня своим колючим, молчаливым взглядом, будто говорил: *«Ну и что ты опять накрутила?»*. Я фыркнула, чуть тряхнула головой, прогоняя эти мысли, но они не уходили — они кружились, как осенние листья, и каждый норовил приземлиться прямо в центр груди.

«Может, я просто привыкла к драме?» — прошептала я вслух, и звук собственного голоса в пустой комнате прозвучал неожиданно громко. Может, мне просто казалось, что настоящие чувства обязательно должны быть как шторм — с громом, молниями, с ощущением, что тебя вот-вот унесёт течением. А если всё спокойно, значит, это не по-настоящему?

Но тут же другая мысль, упрямая и трезвая, стукнула по виску: *«А может, ты просто боишься, что если не будет драмы, то ты не будешь чувствовать, что за тебя борются?»*

Я села обратно на кровать, обхватила колени руками и вдруг рассмеялась — тихо, почти беззвучно, но от этого не менее горько. *«Вот это да, Дарина. Ты сама с собой споришь. И проигрываешь»*.

Нет, уборки не хватает. Нужна тотальная перезагрузка, желательно подальше отсюда. А куда мы все бежим, если нам нужно обнулиться? Правильно — к истокам. И раз родите-

лей не было в доступном для меня расстоянии, то оставалась любимая бабуля.

Бабушка Маша была самым прекрасным сокровищем этого мира — лично для меня. Она всегда знала, что сказать и как подбодрить. Не теми дежурными фразами, которые звучат как строчка из открытки, а простыми, тяжёлыми от опыта словами, в которых сразу становилось теплее. Она прожила непростую жизнь и знала столько дельных вещей, о которых даже не догадываешься, пока не наступит самый тёмный день.

Я схватила телефон, открыла приложение такси и, не давая себе шанса передумать, заказала машину до деревни, где жила бабушка. Пальцы чуть дрожали — то ли от спешки, то ли от того, что я наконец-то делала что-то не «потому что надо», а «потому что иначе не выдержу». Потом быстро покидала в сумку самое нужное: зубную щётку, любимую толстовку, ту самую книжку, которую всё никак не могла дочитать, и ещё какую-то ерунду, которая вдруг показалась жизненно необходимой. Через минуту я уже садилась в машину, чувствуя, как с каждым движением будто сбрасываю с плеч по камешку.

Я опустила полностью автомобильное окно и нежилась от того, как ветер резвился в моих волосах, забирался под воротник, трепал кончики прядей и будто выдувал из головы все эти бесконечные «а вдруг», «а если», «а правильно ли».

Выехав из черты города, я написала сообщение хозяйке

кафе, что уехала к бабушке и завтра не смогу выйти на работу. Вера Андреевна ответила лишь эмодзи с поцелуем и пожелала хорошей дороги. И в этом коротком сообщении было столько тепла, что у меня в груди что-то чуть дрогнуло — не от грусти, а от благодарности.

За окном проносились деревья лесополосы, один за другим, будто кадры старой плёнки. Воздух напитался природным ароматом — сырой землёй, травой, нагретой корой, чем-то таким, что пахнет не просто лесом, а детством. Таким родным и греющим душу. Ради такого стоит жить. Дорога несла далеко вперёд, уводя меня всё дальше от города, от фестиваля, от Савелия, от Руслана, от всех этих «петушиных боёв», от тишины Владимира, которая почему-то пугала больше, чем любая буря.

В наушниках играла Лана Дель Рей — её тягучие, меланхоличные мелодии как будто специально созданы для дорог, для моментов, когда хочется просто смотреть в окно и не думать ни о чём, кроме того, как красиво мелькают тени от деревьев на асфальте. И это всё, что мне нужно было сейчас: дорога, ветер, музыка и впереди — дом бабушки, где на кухне всегда пахнет чаем и пирогами, а на подоконнике стоит банка с вареньем, которое бабушка варит «на всякий случай».

Я откинулась на сиденье, закрыла глаза на секунду и глубоко вдохнула. И впервые за долгое время почувствовала, как внутри что-то отпускает. Не всё сразу, не до конца, но

достаточно, чтобы снова стало можно дышать.

«Сейчас я просто доеду, — подумала я, будто заключая сделку с самой собой. — Просто доеду, сяду рядом с бабушкой, возьму чашку чая, и пусть весь остальной мир подождёт».

И мир будто услышал. Деревья мелькали всё так же, дорога вилась лентой, а я наконец-то перестала быть той девочкой, которая пытается всё разложить по полочкам, всё объяснить, всё оправдать. Сейчас мне не нужно было ничего решать. Сейчас мне нужно было просто ехать. Туда, где меня ждут не с вопросами, а с объятьями. Туда, где даже молчание — тёплое.

Когда машина остановилась у знакомого забора, я вышла и на секунду замерла, вдыхая этот воздух — тот самый, из детства, из самых спокойных дней. Калитка скрипнула привычным звуком, будто приветствовала меня, а в окне мелькнула тень — бабушка, наверное, уже выглядывала, услышав шум мотора.

И она поняла. Без слов. Просто открыла дверь, обняла меня так крепко, как умеют только бабушки — так, что сразу становится ясно: ты дома, ты в безопасности, и всё, что было до этого, теперь может подождать.

— Ну вот, — проговорила она, глядя меня по волосам, как в детстве, когда я прибежала к ней после какой-нибудь школьной обиды, — приехала. Сейчас чаю налью. И пирожков принесу обязательно. А ты мне потом расскажешь, если

захочешь. А не захочешь — и не надо. Посидим, помолчим.

Я кивнула, не в силах сказать ни слова, потому что если бы заговорила, то, наверное, расплакалась бы. А плакать не хотелось — хотелось просто стоять в этих объятьях и чувствовать, как с каждой секундой становится чуть легче.

Деревенская атмосфера, горячий чай и ластящийся чёрный кот по кличке Ночка — этого было предельно достаточно для бури в моей душе. Ночка тут же запрыгнул ко мне на колени, уткнулся пушистым боком, замурчал так громко, будто специально старался заглушить все мои тревожные мысли. А бабушка поставила передо мной чашку — толстую, с чуть сколотым краем, из которой я пила ещё в детстве, — и села напротив, опершись локтями о стол. От неё пахло мылом и разнотравьем — так, как пахнет только в доме, где всё настоящее: и запахи, и тепло, и тишина.

Я обхватила чашку ладонями, чувствуя, как тепло медленно ползёт по пальцам, поднимается выше, к запястьям, к локтям, будто растапливая внутри всё то, что за эти дни успело заledenеть. Сделала маленький глоток — чай был чуть сладковатым, с лёгкой горчинкой, как всегда у бабушки: она никогда не клала сахар «для вкуса», только *«чтобы день стал чуть добрее»*.

— Как же хорошо... — прошептала я, закрывая глаза на секунду, чтобы запомнить это мгновение: мурчание Ночки, стук бабушкиных вязальных спиц где-то рядом, тихий скрип половиц, запах свежего хлеба.

И вдруг поняла, что впервые за долгое время мне не хочется ничего объяснять, не хочется оправдываться, не хочется раскладывать всё по полочкам и ставить плюсы в столбцы. Мне просто хотелось сидеть вот так, в этой кухне, где даже тени от занавесок ложатся как-то по-особенному — спокойно, без напряжения. А потом слова сами собой полились. Не сразу, не потоком, а будто по капле: сначала про Савелия, про то, как он пытался всё вернуть, будто можно просто нажать кнопку «назад» и снова стать теми детьми, что вместе ели мороженое у школьного крыльца. Потом про Руслана, который так искренне хотел быть нужным, но от этого становился только тяжелее. И про Владимира — про его тишину, которая сначала казалась надёжной, а потом начала пугать своей непонятностью.

Бабушка слушала, не перебивая, только чуть кивала, будто запоминала не слова, а то, что пряталось между ними. Спицы тихо позвякивали, Ночка перевернулся на бок и вытянулся у меня на коленях, как большая тёплая клякса. А когда я наконец выдохлась и замолчала, бабушка улыбнулась. Не снисходительно, не «ну-ну, всё пройдёт», а так, будто увидела что-то хорошее там, где я видела только путаницу. И рассмеялась — лёгким, звонким смехом, похожим на колокольчик. От этого смеха мурашки пробежали по коже, но не от холода, а от того самого редкого тепла, когда тебя понимают без лишних слов.

— Ох, Дариночка, — проговорила она, наклоняясь чуть

вперёд и глядя на меня своими ясными, чуть прищуренными глазами, — ты всё пытаешься найти правильный ответ, будто жизнь — это контрольная, где есть только один верный вариант. *А жизнь — она не контрольная. Она — как этот чай: кому-то нравится погорячее, кому-то послаще, а кому-то вообще с лимоном. И никто не обязан пить так, как соседу вкуснее.*

Я улыбнулась, чувствуя, как внутри что-то тихо щёлкает, встаёт на место.

— Ты знаешь, что самое смешное? — продолжала бабушка, и в её голосе было столько лёгкой иронии, что даже мои тревоги вдруг показались не такими уж вселенскими. — Ты думаешь, что должна выбрать прямо сейчас. *А ведь выбор — он не исчезает, если ты его не делаешь. Он просто ждёт. Как пирог на полке: не испортится, не убежит.*

И тут стало так понятно, так смешно и так тепло, что я вдруг рассмеялась сама — не громко, не на весь дом, а тихо, почти беззвучно, но от самого сердца. Смех вышел немного дрожащим, будто прорвался сквозь слёзы, но это были хорошие слёзы — те, что выходят вместе с усталостью.

— Прости, бабуль, — пробормотала я, вытирая уголки глаз и прижимаясь лбом к её плечу, пахнущему разнотравьем и домом. — Я столько всего натащила с собой...

Она обняла меня, крепко, по-бабушкиному, так, что сразу становилось ясно: ты не одна, и эти камни можно оставить прямо здесь, на пороге, пусть лежат, пока не понадобятся.

Или вообще не понадобятся. Ночка, недовольный тем, что его потревожили, фыркнул, соскочил на пол и пошёл важно расхаживать по кухне, будто проверял, всё ли на месте. А я сидела, прижавшись к бабушкиному плечу, и чувствовала, как буря внутри потихоньку стихает, уступая место этому простому, деревенскому покою.

«Переспав», как говорит моя бабушка, свои проблемы, на утро я была бодра как никогда. Солнце уже вовсю хозяйничало в доме: оно заливало старое крыльцо, скользило по облупившейся краске перил и рисовало солнечных зайчиков на моих голых пальцах ног — те самые, что пробивались сквозь причудливые узоры рукодельного ловца снов, висевшего на трубе. И в этот момент мне вдруг показалось, что даже воздух стал легче, будто за ночь он успел проветриться от всех моих тревог. Во мне пела жизнь — громко, нахально, так, что хотелось вскочить и побежать по росистой траве, раскинув руки, словно я снова та самая девчонка, которая верила, что мир создан специально для неё. И тут же пришла мысль — чёткая, без лишних сомнений: я больше не хочу быть удобной. Не хочу быть той, кто всё понимает, всё принимает, всё сглаживает, чтобы никого не обидеть. Хватит. Пора начать жизнь с чистого листа, выкинув осторожность и неуверенность куда-нибудь за высокие кусты репейника. Пусть они там зацепились и никогда ко мне не возвращались.

Мария Степановна, по своему обычаю, встала ещё на крик

петухов. Она вообще жила по солнцу и по птицам, а не по будильникам, и считала, что если ты проснулся позже петуха — значит, день уже наполовину прожит зря. Сейчас она шустро допекала ароматные блинчики на своей чугунной сковороде — той самой, что, кажется, пережила не одно поколение и всё ещё жарила лучше любой новомодной техники. От запаха поджаренного теста и топлёного масла у меня сразу заурчало в животе, а на душе стало как-то по-особенному уютно. На столе уже стоял букет невероятной красоты из полевых цветов — не собранных в идеальную композицию, а так, как бабушка любила: будто сама природа протянула ей охапку, а она просто поставила её в старую керамическую вазу, не стараясь ничего улучшать. В этом тоже была её философия: *«Красота — она не в ровных линиях, а в том, что сердце радуется»*. А Ночка, довольная и сытая, радостно облизывала вымазанные в сметане усы. Она посмотрела на меня своими жёлтыми глазами, будто хотела сказать: *«Вот видишь? Всё просто. Ешь блинчик, гладь меня, и пусть весь мир подождёт»*.

— Ну что, соня, проснулась наконец? — бабушка улыбнулась, ловко подцепив блинчик лопаткой и перекладывая его на тарелку. — А я уж думала, придётся тебя будить чашкой холодной воды. Или котом на лицо.

Я рассмеялась, плюхнулась на стул и тут же схватила блинчик — горячий, мягкий, пахнущий детством.

— Бабуль, я не соня, — пробормотала я с набитым ртом,

чувствуя, как тепло растекается не только по желудку, но и по всему телу. — Я просто... перезагружалась.

— Вот и хорошо, — кивнула она, наливая мне кружку чая с мятой.

Необходимость держать эмоции в себе исчезла, а уверенность в сегодняшнем дне появилась — да такая, что хотелось то ли станцевать прямо на бабушкином крыльце, то ли запустить в небо фейерверк из одуванчиков. На волнах адреналина я решила пойти на действия, будто командир отряда, давая команду: «В атаку!» — и даже мысленно добавила к этому какой-то пафосный жест, вроде резкого взмаха рукой, как в кино.

Руки сами потянулись к телефону, и я открыла последние входящие. Кто бы сомневался, что топом этого списка были три имени: Савелий, Владимир и Руслан. Каждый из них хотел донести до меня свою правду и философию жизни, и каждому, несомненно, хотелось, чтобы я встала на его сторону. Но не сегодня, не завтра и не через месяц. Прошлая Дарина исчезла во вчерашнем ветре в волосах, выветрилась и улетела далеко-далеко за Алтайские горы — так далеко, что даже почтовый голубь бы не долетел.

Играя словно в «эники-бэники», я выбрала первым подопытным «новой Дарины» Руслана. Пальцы летали по экрану с такой скоростью, будто хотели доказать всему миру: «Смотрите, я больше не думаю по полчаса над каждым словом!» И отправила лишь одно сообщение: *«Нам нужно по-*

говорить. Сегодня где то через час в кафе Любовный роман». Ответ не заставил себя долго ждать и пришёл через глоток душистого чая — буквально через минуту телефон тихо звякнул. Руслан был согласен и ждал с нетерпением. Я даже представила, как он сейчас подпрыгивает на месте, как щенок, которому пообещали прогулку, и улыбается так широко, что, наверное, даже зубы слышно.

- Ну жди, Русланчик, жди... — промурлыкала я себе под нос, пряча телефон в карман и чуть покачивая бёдрами в какомто своём, только мне понятном танце победы. В груди всё пело, и это было не то робкое пение, что раньше, а бодрый марш — с барабанами, трубами и парой саксофонов для особого шика.

Я подмигнула Ночке, который с подозрением смотрел на меня, будто подозревал, что я затеваю чтото неподобающее для воспитанной девушки:

— Не переживай, котик, я не собираюсь устраивать революцию. Просто... немножко перераспределю акценты в своей жизни.

Ночка фыркнул, будто хотел сказать: «Да уж, по глазам вижу — немножко тут не обойдётся».

Бабушка выглянула из кухни, вытирая руки о фартук:

— Ты чего там бормочешь и виляешь, как щенок перед прогулкой?

— Бабуль, я просто... чувствую себя так, будто могу горы свернуть. Или хотя бы один разговор провести так, чтобы

меня слышали, а не пытались переубедить.

Мария Степановна прищурилась, потом усмехнулась — не насмешливо, а с тем самым одобрением, от которого сразу хочется расправить плечи:

— Ну, если горы не надо, то хотя бы чашку чая допей. А разговор... разговор — он как блин: если перевернуть во время, будет румяный и красивый. А если тянуть — подгорит.

— Вот именно! — воскликнула я, будто она только что выдала мне главный секрет вселенной. — Я больше не буду тянуть. Я буду переворачивать. И пусть кто-нибудь попробует сказать, что я не права!

Бабушка только покачала головой, но в глазах у неё плясали смешинки:

— Ох, Дариночка, только смотри, чтобы твоя уверенность не превратилась в ураган. А то ведь и хорошие вещи сдует.

— Не превратится, — уверенно заявила я, допивая чай одним большим глотком и ставя чашку на стол с таким звуком, будто это был финальный аккорд. — Я теперь не ураган. Я... контролируемый вихрь. С чётким маршрутом и списком дел.

С этими словами я схватила лёгкую куртку, чмокнула бабушку в щёку, потрепала Ночку по пушистой макушке и выскользнула за калитку, чувствуя, как солнце греет плечи, а внутри всё поёт.

Глава 8

Руслан зашёл в кафе в тот самый момент, когда Алина крутилась передо мной, показывая своё новое воздушное платье цвета спокойного неба, и весело смеялась. Верочка Андреевна заинтересованно выглянула из-за стойки для заказов, как только парень звонко поздоровался. Мне оставалось только приветственно махнуть ему рукой и кивнуть на место напротив себя.

Алина тут же ретировалась, чтобы из «укрытия» в виде стойки вместе с Верочкой Андреевной накинуть на себя роль крутых шпионов и подслушивать. Не хватало для антуража им только чёрных очков и по газетке в руки. Я едва сдерживала улыбку — и не от смущения, а от чистой, почти хулиганской радости: ну вот, цирк приехал, и я в нём не клоун, а режиссёр.

Поведение девушек вызвало у меня улыбку, которую Руслан тут же принял на свой счёт и просиял в ответ, как начищенный до блеска медяк. Как жаль, что сейчас либо мы навсегда останемся среднего качества друзьями, либо навсегда забудем о существовании друг друга. Но жалеть я не собиралась.

— Дариш, я так рад, что ты мне позвонила! — начал весело щебетать парень. От моего взгляда не ушло и то, что Руслан даже решил слегка принарядиться по случаю: светлая

футболка-поло с коротким рукавом и коричневые бриджи с претензией на классические даже шли ему. Но сейчас этот наряд казался мне не стильным, а нарочитым — будто он специально надел всё самое «правильное», чтобы выглядеть в моих глазах идеальным.

Сомкнув пальцы рук, я пристально оглядела его и усмехнулась, сама удивляясь своей реакции. На лицо «перезагрузочка» подействовала. Будто вправила мне мозги. Сейчас я видела перед собой смешного и яркого парня, который решил поймать адреналин за мой счёт. Ему точно не нужны были эти отношения, как бы он тут ни пел соловьём. На память пришло событие давних лет, когда в школьные годы, при моём переезде и поступлении в новую школу, Руслан стал моим первым знакомым. Мы много общались, и даже была какая то симпатия с его стороны, но он быстро «сдулся», как только Савелий проявил ко мне активный интерес. Сейчас казалось, будто Руслан решил вернуть себе свою попытку. Так сказать, первенство на марафоне бегунов.

Хитрая улыбка сама собой скользнула по моим губам, когда Русланчик стал расхваливать мой внешний вид и подмечать, что во мне что то изменилось. Как же близко он был прав, даже сам не осознавая.

— Я позвала тебя не для обмена любезностями, — лениво постучала маленькой ложечкой по краю кофейной пары и, заметив вопросительный взгляд парня, продолжила: — Я решила начать новую жизнь.

— Какая отличная идея, Дариш! — искренне, но слегка с затаённой капелькой недоверия воскликнул Руслан. — Я помогу тебе пересмотреть свою жизнь! Можем записаться вместе на какие нибудь тренировки или отправиться в поездку автостопом по Алтаю...

Руслан, несомненно, ещё много чего мог мне предложить, но я не стала ждать подходящего случая.

— Я не хочу сейчас отношений, — спокойно, без надрыва, но так, что каждое слово падало, как камешек в тихую воду. — Думаю, мы можем либо остаться друзьями, либо... — я загадочно протянула паузу, будто играла какую то роль в спонтанной постановке на набережной, где часто собирались уличные театралы и музыканты, — закончить этот фарс и перестать общаться вообще.

Руслан сейчас напоминал выкинутую на сушу рыбку — так же смешно выпучивал глаза и не понимал, что ему делать. Ему понадобилось добрых две минуты, чтобы прийти в себя, и неожиданно для меня он открылся с другой стороны.

— Фарс, говоришь? Нуну, — глаза бывшего друга так и метали молнии, когда он наконец понял, что «кина не будет». — Ничего такая перезагрузочка, Дарин. Поздравляю.

— Мне очень приятно твоё мнение, Русланчик, — протянула я весело, смотря на него и неспешно посасывая кофейную пенку с ложечки. Моя театральная небрежность не была игрой ради игры — это была уверенность, которая теперь сидела во мне крепко, как корни старого дуба.

Моё нарочито лёгкое поведение не заставило меня дрогнуть, и Руслан, понизив голос, прошипел, словно змея, которой наступили на хвост:

— Ты даже не понимаешь, на что мне пришлось пойти ради тебя. Я расстался с такой классной девчонкой, надеясь, что утешу тебя и получу наконец своё. Мы были бы классной парой, Дарин. Все бы только и говорили...

Я чуть наклонила голову, будто рассматривала интересный экспонат в музее, и спокойно ответила:

— Прости, что не оправдала твоих планов, Руслан. Но знаешь, я не хочу быть чьим то «наконец то своим». Не хочу быть утешением, не хочу быть победой в соревновании. Если ты расстался с кем то ради меня, это твоя история, не моя. И я не обязана её спасать.

Он дёрнулся, будто от пощёчины, но я не дала ему шанса снова взять инициативу:

— Слушай, ты классный парень. Правда. И если бы я искала кого то, чтобы вместе мчаться по Алтаю автостопом или прыгать с парашютом — ты был бы первым в списке. Но я сейчас не ищу приключений на свою голову. И права быть просто собой, без необходимости кого то спасать или спасаться самой.

Руслан сжал кулаки, потом резко разжал, будто сбрасывая напряжение:

— Ты всегда была такой... непробиваемой.

— Не непробиваемой, — улыбнулась я уже без насмеш-

ки, по=доброму, на твёрдо. — Просто наконец то научилась слышать себя. И знаешь, это не про то, чтобы кого то обидеть. Это про то, чтобы не потерять себя.

В этот момент из-за стойки выглянула Алина — уже без шпионского антуража, а просто с искренним беспокойством в глазах. Верочка Андреевна чуть кивнула мне, будто говоря: *«Ты всё делаешь правильно»*. И от этого простого кивка внутри стало спокойнее.

— Давай так, — сказала я, глядя Руслану прямо в глаза, без кокетства, без вызова, просто по человечески. — Мы можем остаться друзьями. Но без попыток «всё исправить» или «всё начать заново». Если ты не сможешь этого принять — я пойму. Но тогда нам лучше не тянуть.

Руслан помолчал, потом медленно выдохнул и чуть улыбнулся — не радостно, но уже не зло:

— Ладно. Без драм. Без марафонов. Просто... друзья?

— Друзья, — кивнула я, чувствуя, как внутри что то щёлкает, встаёт на место. — Но если вдруг снова захочешь устроить мне марафон по спасению — сразу говори. Я сразу скажу «нет». Без обид.

Он хмыкнул, покачал головой, будто сам себе не верил, что соглашается, и вдруг рассмеялся — уже по настоящему, без напряжения:

— Знаешь, в тебе всегда было это... упрямство. А теперь оно стало каким то... взрослым.

— Вот и я о том, — подмигнула я, чувствуя, как эта новая

раскованность сидит на мне, как идеально сшитый костюм: не жмёт, не тянет, а подчёркивает всё, что нужно. — Взрослею потихоньку.

Мы ещё немного посидели, поговорили про пустяки — про кафе, про Алинино платье, про то, что лето слишком быстро заканчивается. И когда Руслан ушёл, помахав на прощание, я откинулась на спинку стула и глубоко выдохнула.

Верочка Андреевна подошла, поставила передо мной свежий кофе и тихо сказала:

— Молодец, девочка. Не сломалась. И не сломала никого.

— Стараюсь, — улыбнулась я, чувствуя, как уверенность, ещё недавно казавшаяся дерзкой, теперь становится привычной. — Просто теперь я точно знаю: я себе дороже любых чужих ожиданий.

Уже позднее, когда Верочка Андреевна устроила нам шикарный перерыв со сливочными круассанами и кусочком домашнего торта «Наполеон», я, попивая любимый чай каркаде, сжала правую руку в кулак и достала телефон. Это означало, что пора выиграть и вторую войну. И написать бывшему парню.

Савелий, как и Руслан, ответил довольно быстро — будто сидел с телефоном в руке и ждал моего сообщения. Что мне и было на руку, потому что вторую встречу я уже назначала через пятнадцать минут, а не как прошлую — за час. В этом была моя маленькая тактика: меньше времени на накрутку, меньше шансов передумать.

Признаюсь, ожидание этой встречи нервировало меня чуть больше, чем прошлой. И я то и дело складывала маленькие самолётики из ярко-зелёных салфеток на кофейном столе — один, второй, третий... Они получались кривенькими, но я всё равно запускала их по дуге, и каждый раз, когда такой самолётик падал где нибудь у ножки стула, мне становилось чуть легче. Как будто вместе с ним улетала ещё одна крупница тревоги.

Савелий пришёл ровно через пятнадцать минут и, окинув кафе каким то пока непонятным мне взглядом, прислонил к уху телефон. Я было подумала, что он мне решил позвонить, но тут же услышала, как он, словно ластящийся кот, мурлычет что то в трубку.

«Решил набить себе цены, рыжик!» — восхищённо подумала я. Кажется, я была не чета его актёрскому мастерству. Вы только посмотрите: он там изображает занятого, важного, а я тут сижу и едва сдерживаю улыбку, потому что вся эта сцена выглядела до смешного театральной.

— Ну, приветик, Ди, — присев напротив меня, обворожительно улыбнулся когда то любимый мной парень.

А сейчас я смотрела на него другими глазами — и он вдруг оказался таким... себялюбивым ловеласом. Ох, а словечко-то какое нашлось в моём арсенале! Спасибо бабуле за меткие определения — они теперь так вовремя всплывали в голове.

— Приветик, Савушка, — в тон ему улыбнулась я, слегка

кося под «белую овечку». Чем позже он узнает, что я умею играть так же, как и он, тем лучше. Пусть пока думает, что всё под его контролем.

По моей просьбе Алина принесла нам два бодрящих американо и подмигнула мне, окутывая своей поддержкой, будто накинула невидимый плед: «Я тут. Если что — я рядом».

— Ну рассказывай, малышка. Как твои дела? — Савелий наклонился чуть вперёд, будто собирался слушать каждое моё слово с замиранием сердца.

— Знаешь, удивительно, как хорошо. Начала дышать маткой и всё такое, — не на шутку развеселилась я. Нервы, знаете ли, требовали какой то нелепой разрядки, и эта нарочитая глупость вдруг сработала: напряжение чуть отступило, а внутри даже что то хихикнуло.- А как твои дела? Как там Катюша-змеюша?

— Хахаха! — он рассмеялся, но смех получился немного натянутым, будто он сам не понял, над чем смеётся, но решил, что так надо. Потом прищурил свои голубые глаза и добавил искреннего, как ему казалось, удивления: — Змеюша-Катюша? Хахаха!

Я чуть склонила голову, рассматривая его, как диковинную статуэтку в лавке старьевщика: красивая, блестящая, а внутри — пустота.

— Ага, Катюша-змеюша, — спокойно кивнула я, делая глоток американо и чувствуя, как горечь кофе приятно отрезвляет. — Но знаешь, я не ради сплетен тебя позвала.

Просто... хотела посмотреть.

— Посмотреть на что? — он чуть нахмурился, будто впервые услышал слово, которое не знал, как обыграть.

— На тебя, — просто сказала я, глядя ему прямо в глаза, без кокетства, без игры, просто как человек, который наконец перестал бояться увидеть правду. — Хотела понять, остался ли там хоть кусочек того парня, с которым мы когда то смеялись над одними и теми же шутками. Или всё это теперь просто... Фасад.

Савелий чуть поджал губы, будто я случайно наступила на его любимую мозоль, но тут же натянул обратно свою фирменную улыбку — ту самую, от которой раньше у меня мурашки бежали по спине, а теперь хотелось только хмыкнуть и сказать: «Ну-ка, ну-ка, давай без спецэффектов».

— Ты чего, Ди, разошлась? Я просто... хотел, чтобы ты поняла, что у меня сейчас сложный период. Много дел, много ответственности...

— Ой, да ладно тебе, Савушка, — я махнула рукой, и один из моих зелёных самолётиков, будто по команде, спланировал прямо ему на колено. — Ответственность у него. Ты просто хочешь, чтобы всё было как раньше: ты сияешь, а я восхищённо хлопаю ресницами и забываю, что у меня вообще то есть своя жизнь.

Он дёрнулся, будто от пощёчины, но тут же снова нацепил маску «понимающего парня»:

— Ну ты чего, я же не монстр какой то. Просто... мне нра-

вилось, как мы были вместе. Хотелось бы вернуть это чувство.

— А мне — нет, — спокойно сказала я, и в этом «нет» было столько огня, что даже Алина, проходившая мимо, на секунду замерла, а потом тихонько хихикнула и скрылась за стойкой.

— Как это «нет»? — он даже подался вперёд, будто хотел силой воли заставить меня передумать. — Мы же были отличной парой! Все так говорили!

— Вот именно, — я постучала ложечкой по краю чашки, и звук получился неожиданно громким, как маленький колокольчик, объявляющий о конце спектакля. — *«Все так говорили»*. А я вот сейчас думаю: а что, если «все» просто не знали, как выглядит нормальная пара? Нормальная — это когда не надо каждый день доказывать, что ты достоин любви. Нормальная — это когда тебе не приходится соревноваться с его телефоном, с его друзьями, с его «важными делами».

Савелий открыл рот, потом закрыл, потом снова открыл, будто пытался подобрать слова, которые вернут всё на круги своя. Он был как антагонист в овечьей шкуре: снаружи — мягкий, пушистый, «я всё пойму, я всё исправлю», а внутри — жёсткое, упрямое желание, чтобы мир снова крутился вокруг него, как раньше.

— Дарин, ну ты же не можешь вот так просто взять и всё перечеркнуть. Мы столько прошли вместе!

— Прошли, — кивнула я, не злясь, а скорее с каким то

весёлым удивлением, будто смотрела на фокус, который уже не впечатляет. — И знаешь, что самое смешное? Я благодарна за этот опыт. Но я не хочу возвращаться в ту историю, где моя главная роль — быть удобной. Где я должна была радоваться любому твоему взгляду, как милостыне.

Он снова нахмурился, и на секунду в его глазах мелькнуло что то настоящее — не игра, не поза, а растерянность человека, который вдруг понял, что сцена, которую он так старательно выстраивал, рассыпалась от одного спокойного слова.

— Ты изменилась, — наконец тихо произнёс он, будто это было не обвинение и не комплимент, а просто факт, с которым ему предстояло как то жить.

— Изменилась, — кивнула я, чувствуя, как внутри разливается не злорадство, а тихое, уверенное спокойствие. — И знаешь, самое смешное, что я не старалась. Просто однажды перестала быть удобной. Перестала сглаживать углы, чтобы тебя не обидеть. Перестала делать вид, что не замечаю, как ты смотришь на других, пока говоришь мне что то важное. И вот теперь... я просто сижу здесь, пью американо, складываю самолётики из салфеток и понимаю: мне хорошо.

Что за мантра у них новая? Изменилась, видите ли! Раз стала говорить, что думаю, так сразу изменилась! Да зла не хватает на них на всех.

С Савелием, спасибо богу, мы закончили всё довольно быстро, и ни о каких друзьях речи не шло. Его наверняка уже ждала Катюша-змеюша — зачем мне это? Терпеть веч-

ные нападки подружани-блондинки? Нет уж, увольте.

На сто процентов я была уверена, что Савелий ещё мне где нибудь да аукнется, приняв всё это как глубокую обиду. Ну а пока на очереди был десерт в виде Владимира Черешко. Трепыхающееся сердечко гулко постукивало, будто хотело выпрыгнуть и сбежать, пока не поздно. Ведь я так и не решила, что конкретно к нему чувствую. То ли он меня пугает, то ли цепляет — а может, и то, и другое сразу. Хорошо хоть в своей голове я решила, что это точно не должно быть быстрое решение. Но подытожить нужно. Раз решила уйти в свободное плавание, то так тому и быть. Ну а он взрослый мужчина — решит, как ему поступить, сам. Захочет — будет добиваться, а нет — так нет. Я здесь не на месте судьи, чтобы решать.

Владимир как раз доигрывал роль «загадочного» и довольно долго не отвечал на сообщение. Ответ пришёл лишь минут через тридцать моего ожидания: *«Был занят работой. Приеду через десять минут»*.

Пальцы сами собой отстукивали задорную песенку «Stitches», звучавшую из колонок кафе, а настроение решило пойти в пляс. И минутный страх потери убежал куда то в закат. Вот что делает с людьми правильно подобранная музыка и природная терапия.

Владимира я ещё завидела, когда он выходил из автомобиля. Шепнула себе: *«Главное — без сожалений»* — и перекрестила пальчики под столиком, чтобы никто не увидел.

Будто этот маленький жест мог удержать меня от того, чтобы не сорваться с места, не подбежать и не уткнуться ему в плечо, вдыхая запах улицы, бензина и чего то чисто его, мужского.

За столом мы просидели минут десять, просто смотря друг на друга, словно не виделись много лет. Разговор никак не завязывался, и тогда Владимир взял всё в свои руки.

— Не хочешь ничего усложнять, да?

— Да. И не хочу просить прощения или сожалеть. Думаю, мне это только на пользу.

Мужчина кивал, будто держал в руках сценарий этой сцены и не пытался как то противоречить мне. Сегодня он показался мне нарочно таким brutальным и желанным, что мурашки скользили по рукам, оставляя после себя тонкую дорожку жара. Его чёрная рубашка была расстёгнута на пару пуговиц ниже воротника, открывая чуть смуглую кожу и лёгкую россыпь тёмных волос. Руки перекатывались напряжёнными мышцами, стоило ему чуть пошевелить кистью — и мозг тут же подкидывал картинки, что бы он мог делать этими руками... и это точно были не отчёты и не чашки кофе. «И хочется, и колется», — крутилось у меня в голове, и от этой мысли становилось одновременно смешно и невыносимо горячо.

— Я пока не понимаю, чего хочу, и не хочу что либо менять. Хочу просто жить и получать от этого кайф.

— Понимаю, — уверенно кивнул мужчина, взлохмачи-

вая свои короткие светлые волосы, которые будоражили мои фантазии не меньше прокачанных рук. От этого небрежного жеста хотелось застонать и одновременно рассмеяться: ну вот, он даже не старается, а я уже готова растечься по стулу, как растаявшее мороженое.

— Но и я тебе в вечной любви не клялся, Дарин. Так что выдохни и расслабься.

«Расслабься, как же...» — хотела сказать я, но слова застряли где то в горле, превратившись в сухой смешок. Расслабиться рядом с ним было всё равно что пытаться не дрожать, стоя на краю обрыва: невозможно, да и зачем?

— Как переиграешь всё в своей голове — звони. Да и просто звони, если захочешь. Не отказывай себе.

Я уже хотела сказать что то благодарное, вежливое, какоенибудь «спасибо, я подумаю», но он неожиданно придвинулся ко мне, сократив расстояние между нами до одного сбившегося вдоха. И хитро улыбнулся, будто сейчас хотел выдать какую то тайну века на блюдечке с золотой каёмочкой.

— Напоследок, так сказать... чтоб не горчило, — прошептал он, и голос его прозвучал так низко и бархатно, что по позвоночнику прокатилась горячая волна.

А потом он поцеловал меня.

Не осторожно, не «проверив почву», не с намёком на нежность — а так, будто хотел разом стереть все мои сомнения, все «а вдруг», все «может быть». В этом поцелуе не было никакой слащавой романтики; он пылал страстью и отдавал

шоколадом с ментолом — будто он только что съел конфету и решил, что этого мало. Его губы были твёрдыми и требовательными, язык уверенно прокладывал путь, не спрашивая разрешения, и от этого внутри всё поджималось и тут же разжималось, как пружина, готовая выстрелить.

Мои губы, оказавшиеся в шоке от такого напора, сначала сжались, будто хотели оттолкнуть, а потом сами собой сдались, поддались, раскрылись навстречу этому натиску. Из меня будто пытались вытянуть душу и приклеить к себе, и в какой то момент я поняла, что не против. Тело вспыхнуло, как сухая трава от спички: не только лицо горело, но и грудь потяжелела, и внизу живота разливалось тягучее, острое тепло, от которого хотелось одновременно прижаться ближе и оттолкнуть его, чтобы перевести дыхание.

Когда я уже хотела приклеиться к нему намертво и никогда не отпускать, он отстранился — резко, будто сам испугался, что зашёл слишком далеко. Улыбнулся мне такой улыбкой, от которой хотелось упасть замертво или, наоборот, вскочить и закричать: «Ещё! Ещё!»

Владимир кивнул мне, развернулся и направился к выходу, оставив после себя только шлейф лёгкого, пряного одеколона — такого же брутального, как и он сам. Я сидела, короткими вдохами ловя этот запах, пытаюсь собрать себя по кусочкам, которые, казалось, разлетелись по всему кафе.

Шокированную тишину нарушил восхищённый выдох Алины:

— Обалдеть...

Она стояла у стойки, прижав ладонь к груди, будто боялась, что сердце выскочит, и смотрела на меня так, будто я только что совершила что то невероятное. А я просто сидела, чувствуя, как под кожей всё ещё гудит электричество, и думала: «Да. Обалдеть. И что теперь?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.